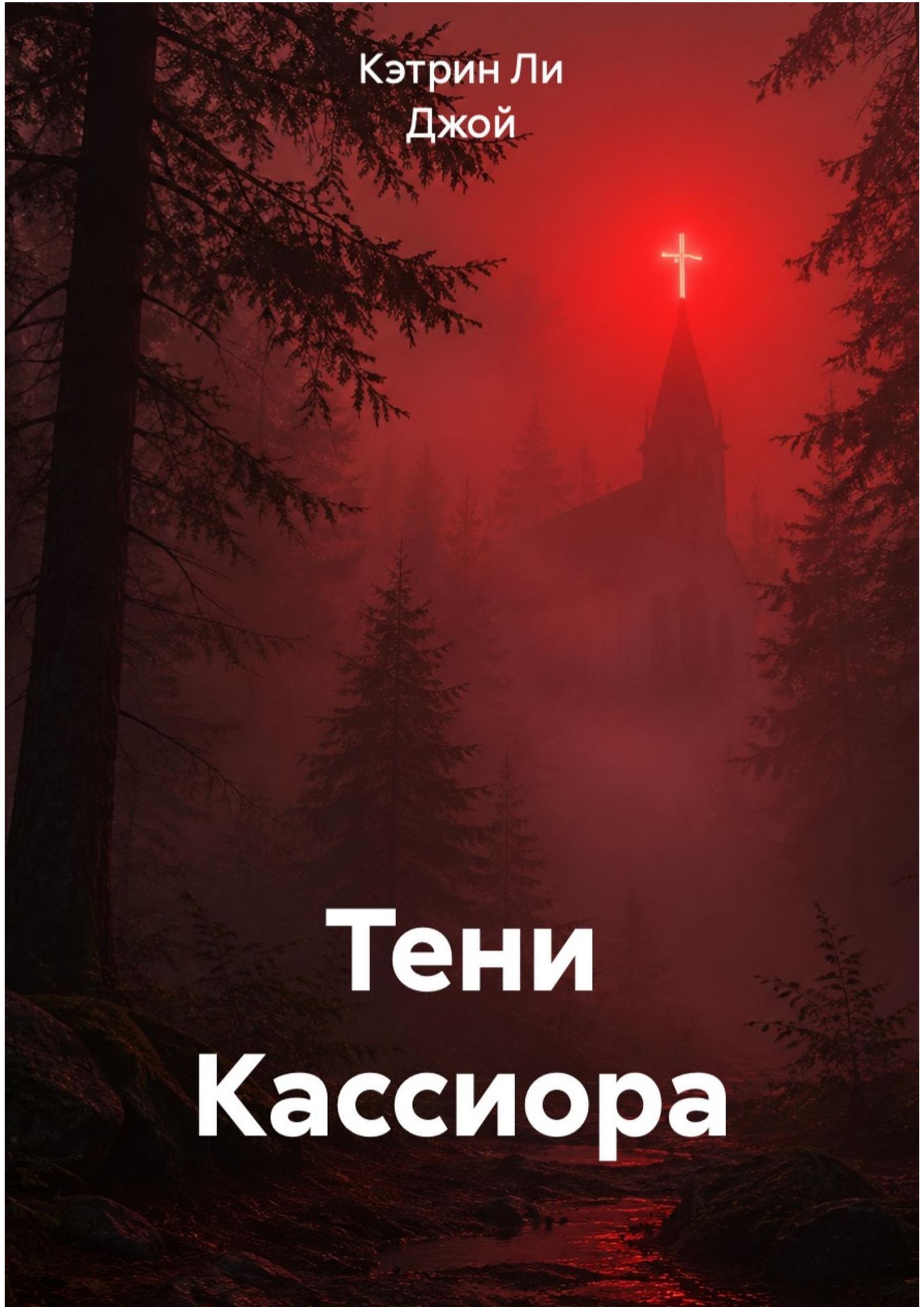

Кэтрин Ли
Джой
Тени
Кассиора

Кэтрин Ли Джой

Тени Кассиора

«Автор»
2026

Ли Джой К.

Тени Кассиора / К. Ли Джой — «Автор», 2026

Кассиор встречает меня тишиной. Город, где все друг друга знают, где жизнь течёт медленно, а главная достопримечательность — старинная церковь с витражами и молодым священником, о котором ходят легенды.Говорят, он может исцелить любого. Говорят, после встречи с ним болезнь отступает. Сюда приезжают отчаявшиеся люди со всей округи. И уходят с надеждой.Но в городе есть и другие слухи. О тех, кто пропадает без вести. О тех, кто умирает слишком рано. О том, что всё это не случайно.Я приехала сюда, чтобы начать новую жизнь. Вместе с мамой мы заселились в дом бабушки, которой больше нет. Её смерть назвали естественной. Но в её комнате, среди старых вещей, меня ждало нечто, что перевернуло всё с ног на голову.Оказывается, бабушка знала больше, чем говорила. И теперь я должна узнать это сама.«Тени Кассиора» — это история о том, как вера может быть опаснее безверия, как чудеса оборачиваются проклятием и как далеко может зайти человек, однажды решивший обмануть смерть.

© Ли Джой К., 2026
© Автор, 2026

Кэтрин Ли Джой
Тени Кассиора

Пролог

Воздух в комнате стоял густой, тёплый, с привкусом пыли и типографской краски — пахло старыми книгами и прелыми половицами, как в чулане, где годами не проветривали. Я укладывала их в коробки. Сборник стихов от лучшей подруги — ей было пятнадцать, как и мне тогда, потрёпанный учебник физики, который мы ненавидели всей школой, и на каждой обложке оставался невидимый след: чьи-то пальцы, чья-то улыбка, чьё-то «до завтра», которого больше не будет. Я старалась двигаться механически, не давая себе задерживаться на деталях, потому что стоило замереть — и острая, тёплая тяжесть поднималась откуда-то из груди, подкатывала к горлу, мешала дышать. Завтра от всего этого останутся только выцветшие фотографии и неловкое молчание в трубке. Не будет воскресных утренних завтраков, когда солнце резало глаза сквозь огромные кухонные окна. Не будет дивана цвета шампанского с продавленными подушками, на котором мы спорили до хрипоты о сериалах и дурацкой музыке. Не будет моего окна — выхода в бестолковую, шумную, прекрасную жизнь Нового Орлеана, где каждый фонарь казался свидетелем какого-то маленького чуда.

Из-за тонкой стены, словно из погнутой консервной банки, доносились голоса родителей. Сначала неразборчиво; потом — отчётливо, с тем металлическим скрежетом, который появляется, когда люди перестают слышать друг друга и начинают только говорить. Я замерла с раскрытым фотоальбомом в руках, невольно затаив дыхание. Не подслушивать — не получалось. Толстые стены старого дома не спасали, когда ссора переваливала за ту грань, где слова становятся ядовитыми и рублеными, как битое стекло.

— …и ты в самом деле решила, что я отпущу её в эту дыру? — Голос отца звучал глухо, с тем усилием, с которым люди стараются держать себя в руках, но уже не могут. — Как, чёрт возьми, называется это место? Кассиор? Что она там будет делать? Досиживать в школе, где одни фермеры и святоши? Ты закапываешь её будущее, Салли. В прямом смысле.

— Я хочу, чтобы она просто могла дышать. — Мать ответила без резкости, даже слишком спокойно, и это спокойствие было хуже любого крика. — Нам нужна передышка, Андрэ. Иначе мы разобьёмся окончательно. Я ещё готова верить в то, что люди меняются… но вера имеет свойство заканчиваться ровно в тот момент, когда понимаешь, что ждать уже нечего.

— Мы могли бы попробовать сначала. Вместе. — Голос отца сел, потерял злость, стал почти умоляющим.

— Нет. — Просто, без жестокости, но без надежды. — Вместе уже не получится. Знаешь, что самое страшное? Ты промотал не деньги. Всё, что мы строили — всё, ради чего не спали по ночам — ты промотал безвозвратно. Одним мгновением. Даже не заметив.

Слово «Кассиор» ударило как щелчок взведённого курка. Мать нарочно не произносила его при мне. Я отложила альбом, открыла ноутбук и вбила название в поиск.

Результат — скупой, серый, официальный. Маленький город на севере Луизианы. Население — чуть больше трёх тысяч. Школа одна. Единственное, что выделяло его среди прочих: река, огибавшая окраины, и старый собор Сан-Франческо. Построен итальянцами. Заброшен после наводнения, которое местные до сих пор называли не иначе как «божья кара».

Тихая гавань для беглецов и клетка для тех, кто ещё не понял, что бежать не от чего.

Я закрыла крышку ноутбука и положила ладони на колени, глядя в пустоту. Тяжесть в груди больше не была тёплой и острой. Она стала другой — холодной, плотной, идеально гладкой, как речная галька, которую держишь во рту, боясь проглотить.

Ссора за стеной перестала быть просто разговором — она свернула в ту точку, когда люди уже не слышат слов, а только собственное дыхание и звон в ушах.

— Я не отпущу вас. Просто так. — Голос отца сорвался на хриплый полукрик, в котором от злости осталась только бессильная тоска.

— Ты уже отпустил, Андрэ. — Мать ответила почти шёпотом, но этот шёпот был страшнее крика. В нём не было ни боли, ни обиды. Только пустота. — Всё, что мы считали дорогим, осталось где-то по дороге. Без тебя. Без меня. Без нас.

Тяжёлые шаги, короткая пауза — и входная дверь хлопнула так, что задребезжали стёкла в буфете. Он ушёл. Снова.

Я не двинулась с места. Зачем? Прощаться с тем, кто уже давно отсутствует в твоей жизни физически, — только тратить последние силы, которых и так почти не осталось. Горло сдавило горьким, солоноватым комом. Обида на отца — за слабость. На мать — за то, что не остановила этот поезд раньше. На весь этот грёбаный мир, который решил, что одного Нового Орлеана мне мало, и надо добить меня этой дырой под названием Кассиор.

Я снова взяла фотоальбом. Вот мы на пляже — отец подбрасывает меня в воздух, мама смеётся, прикрывая лицо рукой. Вот выпускной: дурацкие наряды, чужие родители за кадром, а мы, пацаны и девчонки, которые клялись дружить вечно. Сейчас эти клятвы казались смешными и жестокими одновременно.

Слёзы пришли не сразу. Сначала глаза просто защипало, потом картинка поплыла, и на пластиковую страницу упали первые капли — горячие, тяжёлые, бессмысленные. Я вытирала их рукавом, но они всё текли и текли, оставляя мокрые следы поверх наших лиц. Я прощалась не с домом. Дом — это стены, их можно построить новые. Я прощалась с той собой, которая ещё умела верить в «хэппи-энд».

Стук в дверь — короткий, неуверенный, как будто человек на пороге не был уверен, что его вообще хотят слышать. Я вздрогнула. Дверь приоткрылась, и в щель просунулась мама.

Она выглядела старше. Не так, как бывает после бессонной ночи, — по-другому, глубже. Будто кто-то внутри неё перегорел, но вместо пепла осталась чистая, холодная решимость. Глаза сухие, под ними тени, губы сжаты в тонкую нитку.

— Рей. — Голос севший, с хрипотцой, будто она долго молчала или пыталась не закричать. — Поможешь мне на кухне? А потом… — она запнулась, на секунду отвела взгляд, потом снова посмотрела на меня. — Потом закажем ту самую пиццу с пепперони. Как раньше. Идёт?

Это не было обещанием, что всё наладится. Не было сладкой ложью, которой кормят детей, чтобы они не боялись. Это было признанием: «Я тоже сломана, я тоже не знаю, что будет завтра, но сейчас — я здесь, и я с тобой». Белый флаг, поднятый не перед врагом, а перед самой жизнью.

Я медленно подняла голову. Глаза саднило, лицо горело, и каждое движение век давалось с трудом — слёзы высохли, оставив после себя противную липкую корку на ресницах. Я кивнула. Говорить не стала — голос всё равно бы дрогнул, разбив этот хрупкий, только что заключённый мир на куски.

Последняя коробка с фотоальбомами ушла в общий ряд, закрытая и перетянутая скотчем так, будто от этого зависела её сохранность на века. Я поднялась с пола, колени затекли. Мама протянула руку — не в попытке утешить, а просто чтобы помочь встать. Я замерла на секунду, потом взяла её ладонь. Прохладная, шершавая от картона, с едва заметной мозолью на указательном пальце — вечная дань подписям и документам. Но рукопожатие было твёрдым, уверенным, почти мужским.

Мы пошли по коридору молча. Коробки громоздились вдоль стен, образуя узкий проход, похожий на лабиринт. Пахло пылью, старой тканью и тем особым запахом пустоты, который появляется в доме, когда из него выносят жизнь.

Кухня встретила нас зоной тихого апокалипсиса. Шкафы стояли распахнутыми, как рты умерших великанов. На столешнице сиротливо лежали три кружки — последние, непокор-

ные. Мама остановилась у окна, окинула взглядом поле боя и указала подбородком на верхний шкаф:

— Остался последний бастион. — Она даже попыталась улыбнуться, но улыбка вышла кривой. — Готовься к битве с контейнерами. И крышками, которых всегда на одну меньше.

— Только если ты не будешь орать, когда я снова не попаду крышкой по размеру, — ответила я. Улыбка получилась вымученной, почти судорожной, но — живой. В отличие от всего, что происходило здесь последние месяцы.

— Дорогая, я твоя мать. Орать — это моё священное право, — фыркнула она, и в этом звуке на секунду проскользнуло что-то настоящее, тёплое, давно забытое. — Это, считай, единственное преимущество в моём положении.

Она протянула мне рулон пузырчатой плёнки и с едва заметным озорством в глазах добавила:

— Так что давай, пузырькуй, а я потом покричу для пущего эффекта.

Я принялась за работу — стаканы один за другим уходили в пузырчатую плёнку, превращаясь в бесформенные коконы. Мама молча доупаковывала столовые приборы, и каждое её движение было отточено до автоматизма: вилка к вилке, нож к ножу, ложка поверх ложки. Я ловила её взгляды, пытаясь выбрать момент. Может, сейчас? Нет. Не сейчас. Она орудовала на кухне с той сосредоточенной жестокостью, с какой командир расставляет последних солдат перед атакой — понимая, что часть из них не вернётся.

Я помнила: мама никогда не любила говорить о городе, где выросла. Всегда уходила от темы, переводила на другое, отшучивалась или просто замолкала с таким видом, будто вопрос был неприличным. Но сейчас, в этой полупустой квартире, среди коробок и лопнувших надежд, старые уловки казались неуместными. Может быть, именно здесь и сейчас, за последним общим делом, она даст мне настоящий ответ?

— Мам… — Голос хрустнул, как сухая ветка под ногой. Я кашлянула. — Про этот… Кассиор. В интернете почти ничего. Только три тысячи человек и одна школа. Звучит как конец света, если честно.

Мама замерла. Нож так и остался в её руке — она смотрела сквозь него, сквозь меня, сквозь стену, в какое-то своё, недоступное мне пространство.

— Я бы не сказала, что конец, — ответила она тихо, почти без интонации. — Просто другое место. Тихий уголок. Без суеты, без этого вечного шума. Иногда тишина нужна, чтобы наконец услышать себя.

У мамы всегда была эта привычка — выдавать фразы, которые хотелось записывать в цитатник. Красиво, правильно, ровно. Только сейчас мне была нужна не поэзия. Не абстракции под соусом мудрости. А ответы — чёткие и ясные.

— И что там делать? — Паника прорвалась наружу, я даже не пыталась её спрятать. — Чем, чёрт возьми, занимаются люди в такой дыре? Кофейни, парки, кинотеатр — там есть хоть что-то живое?

— Кое-что есть, — спокойно ответила мама, снова берясь за упаковку. — Река, например.

— Река? — Я не сдержала усмешки. — Да, звучит захватывающе. Прям уже собираю чемоданы.

Мама даже не повернула головы. Только бросила быстрый, тяжёлый взгляд из-под опущенных век. Молчаливый, но очень точный: «Может дашь договорить?».

— И лес, — продолжила она, как будто ничего не случилось. — Летом купались, загорали. Мы с подругами пропадали там с утра до ночи. — Пауза, короткий вздох. — А ещё есть старая библиотека. И пекарня миссис Мэтти. Она печёт лучшие черничные пироги в штате. Это я тебе как уроженец говорю.

— Три тысячи человек, — повторила я с нажимом, вцепившись в эту цифру как в соломинку. — Это же размер нашей школьной трибуны. — Я помолчала, переваривая. — Ты, наверное, знала всех?

— Почти всех, — кивнула мама без ложной скромности. — И все знали меня. В этом есть своя защищённость… и своя духота. — Она подняла на меня глаза. — Но сейчас, думаю, самое то.

— А дом… — Я сделала осторожный шаг на неизвестную территорию. — Бабушкин дом. Какой он?

Лицо матери переменилось. Не резко, нет — словно кто-то включил невидимый свет изнутри. Улыбка тронула уголки губ, разгладила морщины вокруг глаз.

— Небольшой. Деревянный, двухэтажный. Крашенный в бледно-персиковый — представляешь? Во дворе огромный старый дуб. Мы с подругой часами на нём сидели, болтали ногами, сплетничали. — Она понизила голос до заговорщического шёпота. — А на чердаке… там целый склад. Настоящие сокровища. Винтаж, старьё, вещи с историей. Ты же всегда такое любила. Ещё спасибо мне скажешь за это приключение.

— «Сокровища» — это сервиз с трещинами и коллекция засушенных бабочек? — уточнила я, ловя момент, когда она склеивала очередную коробку скотчем.

— Среди прочего, — улыбка не сходила с её лица. — Там есть кое-что серьёзнее. Прадедушкин секретер, например. Я всегда подозревала, что внутри есть потайные ящики.

— Ладно. — Я выдохнула, отпуская последнее сопротивление. — Звучит убийственно скучно, но уже не так катастрофично. Главное, чтобы в твоём секретере не оказалось чьих-то засушенных ушей.

— Я обещаю. Только бабочек, — ответила мама с притворной, почти церемонной серьёзностью.

И в этот момент что-то переменилось.

Не воздух — он оставался таким же пыльным и сладким от старых обоев. Не свет — лампочка под потолком всё так же тускло освещала горы коробок. Переменилось нечто другое, то, что копилось, между нами, последние месяцы: невысказанные обиды, опущенные взгляды, ложь во спасение, которую мы обе упрямо называли «тактичностью».

В этой дурацкой, почти детской угрозе про уши и такой же дурашливой клятве вдруг проступил древний ритуал. Мы заново учились разговаривать — не словами, а интонациями, полувзглядами, короткими смешками, которые смывают напряжение, как вода смывает песок. Мы нащупывали опору, и этой опорой оказалось не расписание переезда и не финансовые расчёты, а банальное «я тебя слышу, и ты не одна».

Это не было победой. Никакой катарсис не случился, оркестр не заиграл, занавес не упал. Это была передышка. Хрупкая, не обещающая ничего, кроме нескольких спокойных минут. Но после долгой осады, когда за стенами — потерянный дом, а впереди — чёрт знает что, даже короткое перемирие ощущается как чудо.

И, возможно, в этом уже скрывалась та самая победа, о которой не пишут в учебниках истории. Негромкая, незаметная, но настоящая.

ГЛАВА 1

Тишина, которая наблюдала

Солнечный свет, бледный и безразличный, пробивался сквозь щели в жалюзи, рисуя на запыленном полу полосы. Десять утра. В комнате всё ещё пахло одиночеством. Я лежала, уставившись в потолок, и слушала, как тикают часы, отсчитывая последние секунды моей старой жизни. Мне не нужно было просыпаться — я и не спала. Но это состояние было совсем другим — не подвешенным, а наполненным тихим, растущим ожиданием. Как перед началом большого путешествия, когда чемодан уже собран, и осталось только сделать первый шаг. «Было»

уже упаковано в картонные коробки, а «будет» пахло черничным пирогом и речной прохладой. И это «будет» стало гораздо интереснее. Размышления прервал стук в дверь, мягкий, но настойчивый.

— Рейчел? Ты проснулась? — в дверь осторожно заглянула мама.

— Да, — мой голос прозвучал хрипло. — Я встаю.

Мама вошла в комнату. Она была уже одета — темные джинсы, простая футболка, волосы убраны в тугой хвост. Легкий макияж — ровный тон, чуть подведенные глаза — скрывал следы усталости и добавлял лицу собранности, даже решительности. Она выглядела так, будто провела утро в битве с хаосом переезда — и явно побеждала.

— Иди завтракать, — мягко сказала она. — Я нажарила оладий. И кофе свежий сварила. Нужно подкрепиться перед дорогой.

Я молча кивнула и поднялась с кровати. На ощупь нашла на стуле свои любимые джинсы-клеш и винтажный корсет песочного оттенка. Одежда легла на меня с привычной, почти утешительной легкостью, даже если сегодня мне было не до стиля. Основная часть моего гардероба уже ждала в машине.

Я вышла в коридор и замерла. Пустота меня оглушила. Исчезли не только коробки, но и сама жизнь, что кипела здесь еще вчера. Полы были чисто вымыты, а мебель, которую мы оставляли новым хозяевам, стояла на своих местах, но это лишь подчеркивало опустевшее пространство. Воздух был неподвижным и звонким, как в музее после закрытия, а каждое движение, каждый шорох отзывался гулким эхом. Дом, который еще вчера был полон вещей и воспоминаний, сегодня стал просто скорлупой. Чужим и холодным местом.

На кухне пахло сладкими оладьями и горьким кофе — знакомый уютный запах, который сегодня казался предательским и временным. На столе, одиноко, стояла одна тарелка с аккуратной стопкой оладий и кружка кофе. Я всегда просила наливать в кофе апельсиновый сок вместо молока — эксцентричная привычка, над которой часто подшучивали друзья, но без которой утро теряло свои краски.

Я села, машинально отломила кусок. Он был теплым, вкусным, но комом вставал в горле. Я наблюдала за матерью, как та перепроверяла документы на столе, поправляла идеально ровную штору, ее движения были точными и собранными, будто она мысленно уже проходила последний пункт в длинном списке дел. Она была готова. Абсолютно.

— Мы уезжаем прямо сейчас? — наконец спросила я, отодвигая почти полную тарелку.

— Да. — Мама обернулась, опершись о столешницу. — Машину я уже загрузила. Осталось только позавтракать и вымыть эту посуду. Больше ничего.

— Погоди. — я посмотрела на нее с внезапной тревогой. — Ты хочешь сказать, что сама таскала все эти тяжеленные коробки?

Вопрос повис в воздухе. Мама отвела взгляд, вытирая уже сухую ложку.

— Нет, — тихо сказала она. — Андре... он заходил сегодня утром. Помог погрузить самое тяжелое.

Имя отца прозвучало как гром среди ясного неба. Я резко подняла глаза на маму. Так он был здесь. Помогал. И даже не зашел. Не попрощался. В горле запершило, но я лишь сжала вилку чуть крепче. Типично. Очень на него похоже — сделать что-то практичное и удобное для себя, избегая всего сложного и эмоционально затратного. Несколько коробок оказались проще, чем одна прощальная фраза с дочерью. Я медленно выдохнула, отодвинула тарелку.

— Понятно, — все, что я смогла выдавить.

— Он просил передать, что любит тебя, — добавила мама, и ее голос впервые за все утро дрогнул. Она резко повернулась к раковине, делая вид, что что-то там поправляет. — Собирайся, пора ехать. Кассиор ждет.

Звучало так, будто город был живым существом, которое терпеливо сидело у дороги. Что ж, посмотрим, чего он стоит.

Внизу у подъезда нас уже ждал отцовский пикап, груженный под завязку. Высокая, темно-бордовая машина с потертостями на бампере и следами былых поездок выглядела как верный пес, готовый к долгой и невеселой дороге. Коробки, затянутые в брезент, напоминали огромный горб какого-то мифического существа.

Мама решительно запрыгнула в кабину, повернула ключ зажигания, и двигатель отозвался низким, мощным рычанием. Я же забралась на пассажирское сиденье, захлопнула дверь, и привычный мир остался за стеклом, уступив место тесному пространству салона, где пахло бензином, старой кожей и дорогой, которая только начиналась.

— Можно я подключусь? — Не дожидаясь ответа я быстрым движением подключила телефон к автомобильной системе и принялась листать плейлисты, стараясь выбрать что-то подходящее для долгой дороги.

— Только давай что-то не нудное, — вздохнула мама, глядя на дорогу перед собой. — У нас путешествие, а не похоронная процессия.

—В этом мы странным образом солидарны, — загадочно улыбнувшись я тыкнула на плей в своем плейлисте.

Через секунду салон грузовика взорвался мощными, узнаваемыми с первых аккордов звуками. Энергичный рифф гитары, бойкие барабаны и хриплый, полный адреналина голос провозгласили "Living easy, living free..."

Мама на секунду замерла, потом медленно, очень выразительно закатила глаза к потолку машины и тихо, будто сама себе, прошептала:

— О боже... Дай мне сил.

Но я всё же заметила, как уголки ее губ дрогнули, сдерживая улыбку. Она сама прибавила громкость, и вот мы уже неслись по улицам Нового Орлеана под крики Бона Скотта, оставляя позади пустую квартиру, долги и старую жизнь. Возможно, это и вправду была дорога в ад. Но по крайней мере, мы ехали по ней с отличным саундтреком.

Примерно через час, шоссе, что сначала было широкой, уверенной в себе лентой асфальта, уносившей нас прочь от душного смога Нового Орлеана, начало меняться почти незаметно. Сначала просто стало на полосу уже. Потом исчезла разметка — стертая до призрачных, угадываемых лишь по памяти линий. Асфальт под колесами пикапа сменился старой, в заплатах и волнах, бетонкой, которая гудела на стыках плит глухим, похоронным барабанным боем.

По краям дороги, где раньше теснились заправки, закусочные и придорожные киоски с сувенирами, теперь стояли лишь скелеты цивилизации. Ржавый остов грузовика, поросший снизу вьюнком; заброшенный мотель с выбитыми глазами-окнами и выцветшей вывеской «VACANCY», мигавшей последней лампочкой, как нервный тик; одинокий плюшевый мишка, лежащий в грязи на обочине. Казалось, сама жизнь здесь пошла на убыль, сжалась, отступила вглубь, оставив после себя лишь этот выцветший, потрескавшийся фасад.

Воздух, хлынувший в открытые окна после того, как кондиционер сдался с тихим всхлипом, был не просто влажным. Он был плотным, телесным, как пар из скороварки. Он пах не просто прелью и стоячей водой. В его ароматическом букете угадывалась сладковатая вонь гниющих на болотах кипарисов, едкий дымок от сожженного где-то пластика и под всем этим — тяжелый, металлический привкус.

— Три часа. Три часа мы едем, чтобы вдыхать этот коктейль из дерьма и печали? — Я с силой выдохнула, смотря в потолок. Все тело затекло и ныло от бесконечной тряски.

— Не драматизируй. Это просто болото, обычное для этих мест, — голос матери звучал уставшее, чем три часа назад, выдавая ее собственное напряжение. Она прищурилась, вглядываясь в дорогу. — Должны быть уже близко. Кассиор как раз где-то за этим лесом.

Пейзаж за стеклом медленно сполз в сумрак. Яркая зелень поблекла, сдавленная наступающей стеной леса. Чаща подступала к самой обочине, непроглядная и плотная, как черный

бархат. Солнечный свет, и без того жидкий, с трудом пробивался сквозь переплетение крон, превращаясь в узкие, пыльные лучи, которые выхватывали из полумрака причудливые корни и стволы, покрытые толстым слоем мха.

Дорогу теперь обрамляли не поля, а бесконечные колонны деревьев, уходящие вглубь, в неподвижную, зловещую тишину. Воздух стал еще гуще, наполнившись запахом влажной земли, гниющей хвои и чего-то древнего, дикого. Испанский мох свисал с ветвей не седыми прядями старухи, а скорее как бледные, развевающиеся саваны, скрывающие то, что прячется в глубине. Лес молчал, но это была не мирная тишина, а напряженное, выжидающее молчание. Казалось, он не просто рос здесь — он наблюдал. Влажно поблескивающие в сумерках стволы напоминали мокрую кожу невиданных существ, а перекрученные ветви складывались в узоры, которые хотелось разгадать, но которые тут же забывались, ускользая, как сон.

Радиоприемник стал главным индикатором нашего приближения к Кассиору — и это приближение было тревожным. Сначала уверенный сигнал из Нового Орлеана начал сдавать. Затем веселый голос диджея сменился хриплым, задушевным блюзом из какой-то местной станции. Мужчина пел о потерянной любви и реке слез, и его голос, пробивавшийся сквозь легкий треск, звучал удивительно к месту.

Чем глубже мы уезжали в чащу, тем отчаяннее боролся радиоприемник. Блюз начал захлебываться, слова тонули в нарастающем море статики и шипения. Мама автоматически потянулась к ручке настройки, покрутила ее, но из динамиков доносились лишь обрывки фраз, поглощаемые белым шумом. Казалось, сама местность глушила любые внешние сигналы, отрезая нас от остального мира.

И вдруг, сквозь этот хаос, на полную громкость прорвался чей-то голос. Это не была музыка. Это был оглушительный, истеричный крик проповедника, визгливо вещавшего о грехе и очищении огнем. Звук был настолько резким и чужим, что мы обе вздрогнули. Он прозвучал всего пару секунд — и затем с резким щелчком мама выдернула ручку выключения.

В салоне воцарилась абсолютная, гнетущая тишина, нарушаемая лишь воем ветра в окнах и зловещим стуком колес. Эта тишина была хуже любого шума. Она означала лишь одно: связь с нормальным миром окончательно прервалась. Мы были в зоне действия Кассиора.

Проехав еще с километр по темнеющей дороге, мы наконец увидели его. Знак «Добро пожаловать в Кассиор» был больше похож на надгробие. Деревянная доска почернела от времени и влаги, краска с букв почти вся облупилась, оставив лишь призрачные следы. Одна сторона знака просела в землю, отчего он стоял под углом, словно кланяясь каждому въезжающему с горькой иронией. Население — «~3000» — кто-то зачеркнул и вывел сверху кривыми цифрами «3112». Машина медленно проползла мимо, и эта кривая цифра, почему-то, впечаталась в мою память.

За знаком мир снова переменился. Мрачный лес отступил, уступив место аккуратным, но неброским домикам с верандами. Это был маленький жилой квартал. Трава на лужайках была подстрижена, кое-где виднелись скульптурки гномов, поблекших на солнце. На крыльце одного из домов сидел старик в кресле-качалке и неподвижно смотрел на проезжающий пикап. Он смотрел не враждебно, а с безмолвным изумлением, словно видел призрака. На крыльце следующего дома женщина поливала герань и, услышав звук мотора, просто на секунду подняла глаза и дружелюбно кивнула проезжающей машине.

— Ну вот, — в голосе матери наконец послышались нотки настоящего, а не наигранного облегчения. — Смотри, совсем не так плохо, правда? А вот и та самая пекарня! Я тебе рассказывала, какие у них были круассаны!

Я смотрела по сторонам с растущим удивлением, ожидая увидеть упадок и разруху, а вместо этого передо мной был... просто городок. Милый, даже немного кукольный. Пекарня «Сладкий Кассиор» оказалась симпатичным зданием с яркой, новой вывеской, а в кондитер-

ской витрине красовались аппетитные пироги. Из открытой двери доносился сладкий запах свежей выпечки.

— Смотри, на той улице, — мама кивнула вперед, — твоя новая школа. Видишь, там, где дорога уходит влево, к лесу? Из-за деревьев крышу видно.

Я присмотрелась. Между стволами сосен виднелась массивная серая крыша, а чуть ближе — угол большого кирпичного здания в колониальном стиле. Оно выглядело ухоженным и прочным, настоящей крепостью знаний на краю цивилизации.

— Выглядит вполне достойно, даже лучше, чем я помню. Видишь футбольное поле? — Продолжила экскурсия мама, указывая на поле с яркой, неестественно зеленой травой подходило вплотную к стене леса. Тёмная полоса деревьев казалась такой густой и близкой, что создавала впечатление, будто мяч, улетевший за ворота, может попросту исчезнуть в её чаще.

Чем дальше мы двигались к центру, тем активнее становилась жизнь. Небольшие магазинчики, кафе с несколькими столиками на тротуаре, почта с развевающимся флагом. Люди шли по своим делам: кто-то выходил из прачечной с корзиной белья, пара пенсионеров пила кофе у витрины. И да, они поворачивали головы вслед нашему пикапу. Но в их взглядах я не увидела ни уныния, ни злобы — лишь спокойное, обычное любопытство.

— Почему они так смотрят? — спросила я уже без прежней тревоги, но все еще ощущая себя немного не в своей тарелке.

— Городок маленький, — улыбнулась мама. — Все друг друга знают. Появление новой машины, да еще с иногородними номерами — это тут событие. Не каждый день у нас туристы забредают. Расслабься, все хорошо.

Городок и правда выглядел как иллюстрация к спокойной жизни, какой-то заповедник нормальности после нервных месяцев в Новом Орлеане. Может, мама была права? Может, здесь и впрямь можно было начать все с чистого листа? Я откинулась на сиденье, впервые за долгое время позволяя себе просто смотреть по сторонам без привычной горькой иронии, в этом было странное, обнадеживающее утешение.

Мы проехали милый центр, и снова начались улочки с однотипными, но ухоженными домиками.

— Наш почти в конце этой улицы, — сказала мама, замедляя ход. — Практически на окраине, зато тихо.

Спустя пару минут пикап плавно остановился у тротуара. Дом, перед которым мы оказались, был двухэтажным, деревянным, выкрашенным в персиковый цвет, который местами выцвел под южным солнцем. Он не выглядел заброшенным, но в нем чувствовалось отсутствие хозяев: газон был немного переросшим, а на веранде лежала опавшая с большого дуба листва. В целом — мило и прочно.

Пока мама, достав ключи, торопливо шла к входной двери, я задержалась у машины. Моё внимание привлек фанарный столб, на котором была приклеена листовка. «Пропал ребенок», — сразу бросилось в глаза. На распечатанной фотографии, уже выцветшей от дождей и солнца, улыбался светловолосый мальчик, Билл Торн. 15 лет. Пропал пол года назад. Я почувствовала легкий укол тревоги. Огляделась, и с удивлением обнаружила, что такая же листовка висит на каждом столбе вдоль улицы, словно кто-то отчаянно пытался не дать миру забыть об этом мальчике. Эту навязчивую мысль прервал звук открывающейся двери. Я медленно, будто нехотя, оторвалась от листовки и пошла к крыльцу.

Войдя внутрь, я замерла на пороге. Дом пах пылью, деревом и тишиной. В прихожей и гостиной, куда был виден проход, вся мебель — диваны, кресла, тумбочки — были укрыты полиэтиленовой пленкой, превратившись в призрачные белые фигуры. Из глубины дома донесся щелчок — мама возилась с электрощитком. Еще один щелчок, и под потолком замигал, а затем ровно загорелся свет в люстре, озаряя комнату теплым, уютным светом.

— Ну вот, — обернулась мама, смахивая пыль с рук. — Свет есть, вода, надеюсь, тоже. Вроде бы неплохо сохранилось.

Я медленно прошлась по гостиной, оглядываясь.

— Я думала, он будет... меньше, — призналась я, и в моём голосе прозвучало неподдельное удивление. — А тут просторно. И два этажа. Выглядит вполне себе жилым.

—… а не сараем как ты его представляла. Бабушка любила простор, — улыбнулась мама, сдергивая простыню с большого кресла и поднимая облако пыли. — Наверху три комнаты. Можешь выбрать себе любую

— Но сначала давай наведем здесь порядок, — решительно сказала мама, окидывая взглядом затянутое паутиной царство. — Я буду заносить коробки, а ты сними всю эту пленку с мебели и отнеси на чердак. Там, в углу, должно быть место.

Я вздохнув, принялась за работу. Сдергивать пленку оказалось странно удовлетворяющем занятием. Под белыми саванами обнаружилась добротная, немного старомодная мебель: массивный диван с резными деревянными подлокотниками, крепкий обеденный стол. Комната будто оживала с каждым моим движением, наполняясь запахом старого дерева.

Гора смятых пленок росла. Взяв первую охапку, я поднялась на второй этаж. Коридор был узким и темным, мама сказала, что люк на чердак — где-то здесь. Я заметила его почти сразу — неприметную квадратную дверцу в потолке, с торчащим из щели запыленным шнурком. Сразу же дернула за него. Раздался сухой скрип, и вниз с грохотом откинулась складная лестница, подняв целое облако пыли.

Чердак встретил меня густой, спертой жарой и запахом древесной стружки. Свет из коридора выхватывал лишь клочок пространства у люка: груды непонятных ящиков, закутанные в брезент силуэты, толстые слои пыли на всех поверхностях и мерцающие в углах паутины, словно сделанные из серебра. И тут же, прямо напротив лестницы, я увидела тот самый дедушкин секретер, о котором говорила мама. Массивный, темного дерева, с резными колоннами и откидной крышкой. Он стоял, как страж этого застывшего царства, покрытый толстым слоем пыли, но оттого казавшийся еще более величественным и таинственным.

Мама что-то говорила про потайные ящики. Любопытство взяло верх, и я провела пальцем по резному фасаду, ища зазоры или скрытые механизмы. В одном из ящиков мои пальцы нащупали крошечное, почти невидимое углубление в боковой стенке. Я нажала — ничего. Попыталась поддеть ногтем, потянуть на себя — безрезультатно. Ящик не поддавался. Пыль въелась в легкие, заставляя меня чихнуть. Плевать. Пока это просто пыльная коробка со скрипучими ящиками, а не сокровищница. Потеряв интерес, я быстро сбросила пленку в ближайший угол и поспешила вниз, с облегчением вдохнув более свежий воздух.

— С пакетами покончено, — сообщила я матери, которая как раз заносила очередную коробку. — Давай помогу с вещами.

Работа снова закипела. Мы носили коробки, составляя их в пока еще беспорядочную стопку в гостиной. Разбирая очередную ношу, я наткнулась на картонную коробку с надписью «Фото/Альбомы Р.». Я приоткрыла клапан и увидела уголок знакомого фотоальбома с кожаной обложкой.

— Это я отнесу наверх, — сказала маме и понесла коробку к себе.

Я уже мысленно выбрала комнату. Не самую большую, но с окном, выходящим не на улицу, а в глубь участка, на старый дуб и заросший сад. Это было уединенно и спокойно. Комната была пуста, если не считать покрытого пылью комода. Я поставила коробку на пол у окна, и с этого момента все мои вещи — книги, немногочисленные плакаты, коробка с одеждой — я относила прямо сюда, создавая свое первое личное пространство на новом месте. В коридоре оставались только мамины коробки и общие вещи. Здесь же, в этой комнате с видом на сад, начиналась моя новая жизнь. Пусть и не та, о которой я мечтала.

Я спустилась вниз, чтобы налить себе стакан воды. Кухня, несмотря на пыль, казалась уютной — желтые обои в цветочек, массивный деревянный стол. Я как раз разглядывала шкафчики, когда внезапно раздался настойчивый стук в дверь. Мой взгляд встретился с взглядом матери. В ее глазах читался тот же вопрос: «Кто бы это мог быть?» Мы никого не ждали.

— Я открою — тихо сказала мама, вытирая руки о джинсы и направляясь к входной двери.

Открыв дверь, мы увидели на пороге женщину. Она была высокая и стройная, одетая в элегантное льняное платье и туфли на каблуках, которые выглядели полной нелепостью на пыльной дорожке. Ее каштановые волосы были уложены в безупречную укладку, а в руках она держала маленькую дизайнерскую сумочку. Широкие солнцезащитные очки скрывали половину ее лица, придавая ей вид кинозвезды, заблудившейся в глуши.

Увидев маму, женщина замерла на секунду, а затем медленно, с театральным изяществом, опустила очки на кончик носа, заглянув сверху через дужку. Ее идеально подведенные глаза расширились от изумления, будто она увидела не старую подругу, а призрака.

— Да чтоб я провалилась! — воскликнула она, и ее голос прозвучал как хлопок. — Салли? Салли Роквуд? Не может быть!

Мама, тоже явно удивленная, на мгновение потеряла дар речи.

— О боже, Мартиша? Мартиша Гловер? Сколько лет... Но как ты узнала, что мы здесь?

— Дорогая, в Кассиоре все узнают, когда на улице припарковывается чужой пикап с номерами из другого штата, — женщина махнула рукой, будто это было очевидно. — Мне позвонила Мэриэнн из бакалеи, сказала, что видела, как вы проезжали. Ну как же, я не могла не проведать! Что тебя, вернее, вас, занесло в наши края?

— Мы... мы переехали, — ответила мама, и я уловила легкую скованность в ее голосе. — Решили сменить обстановку. А бабушкин дом как раз пустовал...

В этот момент я вышла из-за угла, привлеченная шумом беседы.

— А это, должно быть, твоя дочка? — почти взвизгнула Мартиша, обрадованная новой темой для разговора. Ее слова полились рекой, не требуя ответа. — Какая красавица! У меня как раз дочь, Меган, думаю они ровесницы! Вы просто обязаны подружиться!

— Да, это моя дочь, Рейчел, — представила меня мать.

— Можно просто Рей, — тут же поправила её я.

— Рей, конечно! — Парировала Мартиша, ни на секунду не теряя темпа. — Слушай, у меня идея! Я привезу её завтра днем, и Меган покажет город, устроит Рейчел небольшую экскурсию! Что скажешь, красотка?

Мартиша перевела свой энергичный взгляд на меня. Я, немного ошеломленная таким напором, неуверенно кивнула.

— Да... конечно. Звучит неплохо.

— Вот и прекрасно! Все решили! — заключила Мартиша, сияя. — Не буду вам мешать, у вас, я вижу, дел по горло. До завтра! Салли, как здорово, что ты вернулась! О'Нилл тоже будет в восторге от твоего приезда.

И так же стремительно, как и появилась, она развернулась и зашагала прочь, оставив за собой шлейф дорогих духов и легкое ощущение сюрреализма.

Дверь закрылась, оставив в доме внезапную тишину, казавшуюся теперь еще громче после вихря по имени Мартиша. Я медленно перевела взгляд на маму.

— И... кто это была? — выдохнула я, чувствуя, как у меня слегка кружится голова от этого водоворота слов и энергии.

— Мартиша Гловер, — ответила мама, снова возвращаясь к коробке с посудой. Она принялась расставлять тарелки, обернутые в газеты, в шкафчик. Звон фарфора был единственным звуком, нарушающим тишину. — Моя лучшая подруга со школы. Не думала, что она до сих пор здесь. И уж тем более, что она... совершенно не изменилась.

Я наблюдала, как уверенные руки матери наводят порядок в шкафу. Мысль была странной: моя мама была здесь своей. У нее здесь было прошлое, друзья, люди, которые знали ее до того, как она стала просто «мамой». Это делало Кассиор чуть менее чужим, но одновременно и чуть более сложным. Это был не просто набор домов; это была паутина связей, в которую мне теперь предстояло вплестись.

И тут меня осенило. Связи. Люди, которые всех знают.

— Мам, — начала я, прислонившись к дверному косяку. — На столбе возле дома, я видела листовки. Пропал мальчик, Билл Торн. Эта фамилия тебе о чем-нибудь говорит?

Мама на секунду задумалась, перебирая в памяти старые имена, но потом покачала головой.

— Нет, не припоминаю. В те времена, когда я здесь жила, Торнов в городе не было. Но, — она кивнула в сторону двери, — Меган, дочь Мартиши, наверняка в курсе всех местных новостей. Можешь спросить у нее завтра.

— Ах, да, — я вспомнила о «завтра». — У меня завтра экскурсия. А ты что будешь делать?

— Мне нужно съездить в магазин, — ответила мама, закрывая шкафчик. — Купить продукты, кое-какие бытовые мелочи. И присмотреть для тебя этажную полку в комнату, для книг и безделушек. Надо же как-то обустраиваться.

Мы провели остаток дня, разбирая кухню. Работа двигалась медленно, но верно. С каждым разобранной коробкой, с каждой вымытой полкой дом становился немного больше наш. К вечеру мы едва волочили ноги. Усталость была приятной, физической, вытесняла тревоги и сомнения.

Позже, поднявшись в свою комнату, я почувствовала, как на меня накатывает волна истощения. Я включила свет — мама успела принести и поставить мой старый ночник в форме полумесяца, и его мягкий свет озарил пространство. Комната казалась огромной и пустынной. Посередине стояла раскладушка, которую мы привезли с собой, — временное пристанище, пока не соберут мою нормальную кровать. Рядом лежала коробка с моими вещами, одинокий островок знакомого в море неопределенности.

Я расстелила постель, привычными движениями разровняла простыню. Было тихо, так тихо, что в ушах отзывался звон. Я легла, и пружины раскладушки жалобно заскрипели. Потолок был высоким, в тенях углов таилась неизвестность. Я ворочалась, пытаясь найти удобное положение, прислушиваясь к незнакомым ночным звукам старого дома: скрипу половиц, шелесту листвы за окном, отдаленному гулу ночи.

Я думала о Новом Орлеане, о своей старой комнате, о друзьях, которые, наверное, сейчас веселятся без меня. Мысль о завтрашней встрече с Меган вызывала смесь любопытства и легкой паники. Но сквозь усталость и грусть пробивалось и другое чувство — предвкушение. Что-то начиналось. Что-то новое. Пусть это «новое» было страшным и непонятным, но оно было моим. Закрыв глаза, уткнувшись лицом в прохладную подушку, я позволила тишине и усталости унести себя в сон, все еще держа в руке уголок подушки, как якорь в этом новом, незнакомом море.

ГЛАВА 2

Свой человек

Солнце пробивалось сквозь листву старого дуба за окном, заливая мою комнату яркими, пыльными лучами. Погода стояла идеальная — ясная и теплая, словно сама природа пыталась загладить вину за вчерашний мрак. Но моё тело протестовало против этой идиллии. Каждая мышца ныла и горела после ночи на проклятой раскладушке. Я лежала, уставившись в потолок, и чувствовала себя так, будто меня переехал тот самый пикап, на котором мы приехали. «Надо

будет потребовать себе нормальную кровать в качестве компенсации за моральный ущерб», — подумала я, с трудом отрываясь от тонкого матраса.

Спускаясь вниз, я уловила соблазнительный запах жареных яиц и бекона. На кухне мама, уже собранная и бодрая, помешивала яичницу на сковороде.

— Доброе утро, соня. Умывайся и завтракай. Мартиша звонила, Меган зайдет за тобой через час.

Молча кивнув, налила себе стакан апельсинового сока. Я сразу заметила, что мама одета не в домашнюю, а в выходную одежду — темные джинсы и светлую блузку.

— Собираешься на шопинг? — спросила я, садясь за стол.

— Да, нужно закупить продуктов и заехать в мебельный, — ответила мама, ставя передо мной тарелку с яичницей. — А еще мне нужно встретиться с Руфусом. Директором твоей новой школы. Учеба через неделю, хочу лично с ним поговорить. Он, между прочим, тоже мой старый приятель.

Закончив завтрак и помыв посуду, мама собралась уходить, оставив мне запасные ключи.

— Не потеряй. И сама не заблокируйся случайно, — сказала она на прощание. — Хорошо погуляйте.

Оставшись одна, я почувствовала приступ легкой нервозности. Я подошла к зеркалу в прихожей, критически оглядывая свое отражение. Надела темные джинсы и чёрный корсет. — ничего выдающегося, но и не позорно, поправила прядь светло-русых волос, собрала их в небрежный хвост. Хотелось произвести хорошее впечатление, но при этом не выглядеть так, будто я слишком старалась.

Ровно через час раздался легкий, почти музыкальный стук в дверь. Я глубоко вздохнула и открыла.

На пороге стояла девушка. Высокая, худая, с карими глазами, подчеркнутыми аккуратным стрелки, и темными волосами, собранными в модный пучок. Она была одета в свободные льняные штаны и яркий топ, а через плечо была перекинута сумка-шопер. Она улыбалась открытой, дружелюбной улыбкой, но ее взгляд был живым и любопытным, быстро скользя по мне и пространству за моей спиной.

— Привет! Я Меган, — сказала она, и слова посыпались легко и быстро. — Мама сказала, тебе нужен гид по злачным местам Кассиора. Ну, или по тем немногим местам, которые у нас тут есть.

— Привет. Меня зовут Рейчел, — представилась я, отступая в сторону. — Проходи. Я только возьму сумку и телефон, подожди не много.

Пока я поднималась наверх, Меган осталась в гостиной, осматриваясь.

— Старый добрый дом мисс Элейн, — прокомментировала она. — Знаешь, тут ходят легенды, что после того, как твоя бабушка умерла, по ночам тут слышны шаги... и будто кто-то переставляет вещи на чердаке.

Я, стоя на лестнице, на секунду замерла.

— Да ладно, я шучу! Расслабься. — Рассмеялась Меган. — Тут никого нет. Кроме пауков, конечно. Их тут целые легионы.

Через минуту мы уже выходили на залитую солнцем улицу. Меган энергично тряхнула головой.

— Так, план действий, капитан! Сначала я покажу тебе единственное стоящее место в этом городе — забегаловку «У Дорис», где делают лучший в мире молочный коктейль. Потом прогуляемся мимо школы — здание, кстати, вполне ничего, — и я покажу наше футбольное поле. Оно прямо у леса, вид классный, а иногда оттуда даже олени выходят. А в конце... — она понизила голос, делая таинственное лицо, — мы мельком глянем на главную достопримечательность — собор Сан-Франческо. Там такой арт-объект обитает. — Мечтательно закатила глаза Меган.

Солнце, казалось, не просто светило над Кассиором, а любовно лепило его образ, наполняя каждый кирпич и каждую травинку таким ярким, почти неестественным сиянием, что городок выглядел как ожившая открытка. Главная улица, вымощенная брусчаткой, поблескивала влагой после недавнего полива.

— Смотри, старина Генри поливает, — Меган кивнула на щуплого мужчину со шлангом у парикмахерской. — Он тут главный по атмосфере. Если дождь не идет, он выходит и создает свою собственную погоду.

По обеим сторонам тянулся ряд ухоженных, хоть и не новых, двухэтажных зданий. Здесь не было места вычурности или современному шику, но царило свое, обжитое очарование. Окна магазинов сияли чистотой. В витрине пекарни «Сладкий Кассиор» горками лежали румяные булки и круассаны.

— Здравствуй, Луи! — крикнула Меган, проходя мимо. Немного полноватый пекарь в фартуке, стоявший в дверях, махнул ей рукой в ответ. — Их с женой круассаны — единственная причина, по которой я встаю в школу к первому уроку, — пояснила Мег.

Рядом, в мясной лавке, аккуратные ряды колбас и окороков висели за стеклом, как драгоценности. Вывеска местного продуктового «Марти Маркет» мигала неоновым огоньком, приглашая внутрь.

— Эй, Мег! — окликнул их молодой парень, вынося мусор. — Это твоя новая соседка?

— Ага, это Рейчел, — ответила Меган. — А это Бен, — пояснила она. — Единственный человек моего возраста, который добровольно встает в шесть утра. Он работает здесь перед колледжем.

Возле почты с ее классическим портиком и развевающимся флагом стояла пара скамеек, на одной из которых два почтенных возраста мужчины неспешно беседовали, попивая кофе из бумажных стаканчиков.

— А это наш местный парламент, — фыркнула Меган. — Мистер Джефферсон, бывший учитель литературы, и полковник Хейз в отставке. Они вершат судьбы и вспоминают старые времена. Лучший источник сплетен, если подольше постоять рядом.

Повсюду царила неспешная, но отнюдь не унылая деятельность. Женщина с сумкой-тележкой вышла из магазина тканей, чей фасад украшали рулоны с яркими узорами.

— О, миссис Вуд! — Меган сделала шаг в сторону. — Привет!

— Здравствуй, Меган, дорогая, — женщина улыбнулась. — Кто твой друг?

— Это Рейчел Роквуд. Она переехала в дом мисс Элейн.

— Ах, внучка Элейн! — глаза миссис Вуд округлились. — Добро пожаловать, милая. Заходи как-нибудь, покажу новые ткани. Твоя бабушка обожала мой бархат.

— Она наша учительница труда, — прошептала Меган, когда та отошла. — И главный поставщик материалов для Хэллоуина.

— А это доктор Элиот — Меган кивнула в сторону мужчины на велосипеде, одетого в практичный велокостюм. Он улыбнулся и помахал ей, не сбавляя скорости. — Наш местный врач. Всегда на колесах, если можно так сказать. Говорит, что это лучший способ быть в форме и успевать ко всем вызовам. А вон та девушка у аптеки — Сара. Она переехала сюда всего полгода назад из Англии. Так что ты не одна такая «чужачка».

Воздух был наполнен смесью запахов — свежего хлеба, молотого кофе из открытых дверей кафе и сладкого аромата цветущих петуний в подвесных кашпо. Казалось, каждый второй человек здоровался с Меган, а та, в свою очередь, успевала шепнуть мне краткое досье на каждого. Мы уже миновали и почту, и аптеку, и даже заглянули в дверь кафе, откуда на них пахнуло влажным теплом и ароматом свежемолотого кофе.

— Ну что, базовый инструктаж завершен, — с удовлетворением констатировала Меган, оглядывая главную улицу, как свои владения. — Теперь ты знаешь, где найти еду, лекарства и последние новости. Осталось только...

Мои слова замерли в воздухе, потому что я внезапно остановилась как вкопанная. Мой взгляд, скользивший по ярким, ухоженным фасадам, зацепился за что-то темное, затерявшееся в этом сиянии. Именно тогда я заметила его. Зажатая между сияющей витриной булочной и сверкающим стеклом парикмахерской, словно пятно на идеальной картине, была та самая сувенирная лавка. Ее окно было затемнено слоем пыли, а буквы на вывеске почти стерлись, сливаясь в нечитаемую вязь. За стеклом, в полумраке, смутно угадывались застывшие в вечном ожидании очертания фарфоровых кукол, груды пыльных подсвечников и стопки пожелтевших открыток с видами Луизианы.

— Эй, земля вызывает! — Меган махнула рукой перед моим лицом. — Что ты там увидела?

— Смотри-ка, — ткнула я пальцем в темный проем. — Настоящий музей. Или антикварный магазин?

Меган скривила нос, следуя за моим взглядом.

— Эм, это лавка мисс Элси. Там скучища смертная а сама она... ну, знаешь, старушка с приветом. Вечно ворчит и все рассматривает, как под микроскопом.

Но я уже сделала шаг к двери. Меня манила эта застывшая во времени атмосфера.

— Давай просто заглянем на секундочку. Мне интересно.

Меган, нехотя, поплелась за мной. Колокольчик над дверью звякнул пронзительно-жалобно, возвещая об нашем вторжении в царство тишины и пыли. Воздух внутри был густым и сладковатым, пахнущим старыми книгами, воском и лавандой. За прилавком, похожая на высохшую фею, сидела пожилая женщина в очках с толстыми линзами. Она вязала что-то крючком, и ее пальцы двигались с поразительной скоростью.

— Меган Гловер, — произнесла старушка, не поднимая глаз от вязки. Голос у нее был хрипловатым, но твердым. — Твоя матушка новый сервиз купила, так что ты здесь без дела. — Ее взгляд, увеличенный линзами до размеров блюдец, медленно пополз вверх, от вязания к Меган, а затем остановился на мне. Он был тяжелым и влажным, как камень со дна реки. В лавке вдруг стало душно, и я почувствовала, как по спине пробежал противный холодок. — А это кто? — голос мисс Элси прозвучал не как вопрос, а как требование предоставить документы. В нем не было ни капли обычного для маленького городка любопытства — одно лишь подозрительное ворчание.

Меган, не смущаясь, выступила вперед, словно щит.

— Это Рейчел, — поспешно выдавила она, слишком громко для тихой лавки. — Она только вчера переехала. Жить в доме мисс Элейн.

Последние слова подействовали на старушку как удар током. Ее пальцы, ловко орудовавшие крючком, замерли. Белая нитка повисла в воздухе, словно обрывок паутины. Она прищурилась еще сильнее, и я почувствовала себя букашкой под лупой. Этот пристальный, изучающий взгляд бурил меня насквозь, выискивая что-то знакомое в чертах лица, в разрезе глаз. «Что она там видит? — пронеслось у меня в голове. — Бабушку? Или что-то еще?»

Казалось, тишина длилась вечность. Пыль медленно кружила в луче света, пробивавшемся сквозь запыленное окно.

— Роквуд? — наконец выдавила мисс Элси, и ее голос стал тише, но оттого еще более пронзительным. Он был полон какого-то странного, тяжкого узнавания. — Внучка Элейн?

Я почувствовала, как у меня пересохло в горле. Я сглотнула и лишь кивнула, не в силах выдавить ни слова. Мысли путались: «Она не просто знала бабушку. Она смотрит на меня, как на призрака».

— Да, — наконец прошептала я. — Вы знали мою бабушку?

— Знавала, детка, знавала, — линзы её очков блеснули. — Я, мисс Элси. Мы с ней чай пили по вечерам, когда солнце садилось. Ох, и разговоры у нас были... — ее голос смягчился, став ностальгическим. — И по воскресеньям вместе на службу ходили. В собор Сан-Франческо

мы были волонтёрами. Помогали отца Пабло, — ее лицо вдруг омрачилось, а губы поджались. — Пока с ней чего-то не стряслось. Резко она вся переменилась. Закрылась, ушла в себя. И верить перестала. Сказала, что Бога нет. Вот так, с бухты-барахты. — Мисс Элси покачала головой, и в ее глазах мелькнула неподдельная грусть. — Эх, а мы так отца Пабло любили... Такая душа была, светлый человек. А потом и он уехал... И вернулся уже в другом обличии.

Не знаю, что это фраза значит, но после неё, она умолкла, уставившись в пространство, словно глядя сквозь годы и пыльные витрины на что-то безвозвратно утраченное. Тишина в лавке стала тяжелой и звенящей, нарушаемая лишь тиканьем старых часов на стене.

Я молчала, завороженная этим внезапным погружением в прошлое. В тишине, нарушаемой лишь мерным тиканьем часов, ей почудился шепот ушедших лет. Я чувствовала странное сожаление, легкую, но постоянную тяжесть на душе. Бабушка Элейн... Мы были почти незнакомы. Та самая бабушка, что приезжала из Кассиора в Новый Орлеан всего пару раз в год — на мой день рождения и на Рождество. Визиты были короткими, переполненными неловкими объятиями и подарками, которые никогда не попадали в точку. Я тогда, будучи подростком, не придавала этому значения, считая бабушку просто чудаковатой старушкой из глуши.

Но теперь, слушая мисс Элси, я вспомнила другое. В свои последние приезды бабушка была... другой. Не просто тихой, а глубоко задумчивой, даже испуганной. Она могла замолкнуть посредне фразы и долго смотреть в окно, словно высматривая что-то в сумерках. Однажды, за ужином, она резко обернулась и спросила: «Ты не видишь? Там, в углу, тень шевельнулась». Все списали на возраст и усталость с дороги. А теперь эти воспоминания обретали новый, зловещий смысл. Я отчаянно хотела вернуть то время, задать вопросы, которые тогда и не задала.

— Мисс Элси, — тихо начала я, и в моём голосе прозвучала неподдельная, юношеская жажда понять. — А какая она была на самом деле? Мама почти ничего не рассказывает.

Старушка медленно перевела на меня свой взгляд, словно возвращаясь из далекого путешествия. Ее взгляд смягчился, в уголках глаз собрались морщинки-лучики.

— О, Элейн... — она качнула головой, и в ее голосе послышалась теплота. — Упрямая, как осел. Но добрая и очень смелая, моя полная противоположность, но этим мы всегда дополняли друг друга. У нее было свое видение мира. — Она замолчала на мгновение, подбирая слова и кажется что-то вспоминая. — Мы, знаешь ли, вели дневники. Обе. Уже старые стали, память — дырявое решето. Записывали разные мелочи, мысли... — ее глаза вдруг блеснули, и она наклонилась ко мне чуть ближе, понизив голос до конфиденциального шепота. — Думаю, тебе будет интересно покопаться. Элейн часто вспоминала любимую внучку. Может, что-то про себя найдешь.

В этот момент с дальнего угла лавки донесся приглушенный звук — Меган, заглянув за стойку с уродливыми чучелами птиц, нечаянно задела ногой какую-то старую корзину.

— Меган Гловер! — голос мисс Элси снова стал резким и сухим, как щелчок кнута. Она обернулась к ней, сверкнув линзами очков. — Убери руки от моих фарфоровых собачек! Они пережили две войны, но твоих рук могут не пережить!

— Да я просто смотрю! — обиженно буркнула Меган, отскакивая от полки, как ошпаренная.

Мисс Элси, фыркнув, снова повернулась ко мне, но магия момента была уже частично разрушена. Однако семя было брошено. Мысль о дневниках бабушки засела глубоко в моём сознании, как заноза. Возможно, именно там я найду ответы.

— Нам вообще-то пора, — Меган, наконец, нашла применение своему нетерпению, подойдя к нам и демонстративно посмотрев на несуществующие часы на руке. — Мы же хотели успеть до вечера, помнишь?

Я кивнула, с трудом возвращаясь в настоящее.

— Спасибо вам, мисс Элси, — сказала я искренне. — Было очень интересно.

— Заходи еще, детка, — кивнула та, уже снова погружаясь в свое вязание, но на этот раз с едва заметной, одобрительной улыбкой в уголках губ и лёгкой грустью в глазах.

Выйдя на залитую солнцем улицу, я на мгновение зажмурилась, ослепленная ярким светом после лавочного полумрака. Воздух снова пах кофе и свежим хлебом, а не пылью и стариной. Но где-то глубоко внутри поселилось новое, незнакомое чувство — не тревога, а скорее тихая уверенность. Словно в старом доме меня ждала не просто комната с вещами, а часть самой себя, та самая, что осталась в редких бабушкиных объятиях и на страницах дневника, о котором я никогда не знала.

— Ну что, пошли? — Меган хлопнула меня по плечу, возвращая к реальности. — Тебе же надо посмотреть, где тебе предстоит проводить ближайшие год, если не сбежишь раньше.

Свернув с оживленной главной улицы, мы попали в совершенно другой Кассиор. Здесь не было ни ярких вывесок, ни пахнущих кофеен — только тихие, залитые солнцем улочки, где время, казалось, текло медленнее. Дома, в основном одноэтажные, с широкими верандами и ставнями, тонули в зелени разросшихся садов. Воздух был густым и сладким — пахло скошенной травой, нагретой хвоей и цветущим жасмином, чьи белые звездочки свешивались через покосившиеся заборы.

Тротуары здесь были скорее условностью — узкие бетонные ленты, потрескавшиеся и проросшие упрямыми травинками, то и дело прерывались корнями старых дубов. Дорога плавно уходила в горку, и я вскоре почувствовала приятное жжение в мышцах ног.

Пока мы шли, я разглядывала детали, складывавшиеся в общую картину жизни городка. Вот в тени каштана покачивался гамак, оставленный кем-то впопыхах. На следующем крыльце важно восседал рыжий кот, равнодушно проводивший их взглядом цвета старого золота. Из открытого окна доносились обрывки радионовостей и запах жареного лука. Где-то за деревьями звенел детский смех и слышался ритмичный стук баскетбольного мяча об асфальт. Кассиор постепенно раскрывался передо мной не как набор улиц, а как живой организм со своим ритмом и дыханием. И в этом ритме, несмотря на всю его чуждость, было что-то умиротворяющее.

Мы вышли на небольшую площадь, и я замерла. Передо мной раскинулась школа — не просто здание, а целый архитектурный ансамбль, дышавший историей и спокойным достоинством. Она была построена из темно-красного кирпича, который под лучами солнца отливал теплыми, почти бордовыми оттенками. Фасад был украшен белыми каменными деталями: изящными наличниками на высоких арочных окнах, контрастными лентами карнизов и строгими пилястрами, разделявшими этажи.

Центральную часть здания венчала квадратная башенка с часами, чьи позолоченные стрелки замерли, показывая без четверти три. Ее шпиль, уходящий в голубое небо, действительно напоминал колокольню небольшой церкви. Но главным украшением школы был плющ. Он столетиями полз по кирпичным стенам, создавая живой, постоянно меняющийся узор. Его побеги с резными листьями обрамляли окна, карабкались к самой крыше, придавая строгому зданию неожиданную мягкость и очарование.

Перед этим величественным фасадом простирался обширный, слегка диковатый парк. Территория перед школой была не просто газоном, а настоящим ландшафтным парком с пологими холмиками, создававшими ощущение простора и уюта одновременно. Длинная трава, еще не тронутая газонокосилкой, колыхалась на ветру серебристо-зелеными волнами. Между ее стеблей, словно россыпи маленьких солнц, ярко желтели одуванчики. По краям газона виднелись аккуратно огороженные клумбы, уже перекопанные и готовые принять новую рассаду — пока что они напоминали пустые рамки для будущих картин.

Под сенью старых, раскидистых кленов, чьи кроны создавали кружевную тень, стояли скамейки, выкрашенные в глубокий темно-зеленый цвет, почти сливавшийся с окружающей зеленью. Воздух был напоен густым, сладковатым запахом свежескошенной травы — видимо,

работа по благоустройству только началась, и этот аромат обещал, что вскоре парк приобретет ухоженный, но не стерильный вид.

Я неожиданно для себя подумала, что учиться здесь могло бы быть даже приятно. Место дышало спокойствием и уединением, так непохожим на шумную, бетонную коробку моей бывшей школы в Орлеане. Здесь было пространство, воздух и какое-то особое, неторопливое достоинство.

— Красиво, да? — Меган, казалось, прочитала мои мысли. — Хочешь, зайдем внутрь? Сторож — наш сосед, дядя Арни, он нас пустит, я с ним договорюсь.

Я покачала головой. Нет, в этом была своя магия — сохранить интригу до первого учебного дня, предвкушение нового этапа. Пусть хоть что-то в этой жизни останется сюрпризом.

— Нет, не надо спойлеров. Увижу все сама в свой первый учебный день.

— Как знаешь, — пожала плечами Меган. — Тогда пошли на стадион. Он с другой стороны.

Мы обогнули массивное здание, и я снова застыла в изумлении, но на этот раз от восторга. Поле открылось передо мной во всей своей нетронутой красоте. Изумрудный луг, идеально ровный, казалось, сливался с темной стеной леса, который подступал вплотную, без всяких заборов и ограждений. Лес был старым, могучим, его кроны создавали прохладную, зовущую тень. И прямо посреди этого зеленого простора, в лучах полуденного солнца, стояли два оленя.

Они были так близко, что я различала каждый мускул под их гладкой шкурой цвета осенней листвы. Большие, темные, влажные глаза с длинными ресницами смотрели на нас с безмятежным спокойствием. Взрослый олень, с еще короткими, бархатистыми рожками, поднял голову, уловив наш запах, но не испугался. Он лишь насторожил уши, замер на мгновение, а затем снова опустил голову, продолжая щипать сочную траву. Рядом с ним стояла олениха, изящная и чуткая.

Я затаила дыхание, боясь шелохнуться, чтобы не спугнуть эту хрупкую, совершенную картину. Я чувствовала, как что-то сжимается в груди — от нежности, от удивления, от ощущения, что я стала свидетельницей чего-то по-настоящему волшебного. Я украдкой взглянула на Мег. Та стояла с глупой, счастливой улыбкой, наблюдая за моей реакцией.

«Вот это да, — пронеслось в голове у меня. — Они просто... живут здесь. Рядом». Впервые с момента переезда меня переполнило не тревожное ожидание, а чистая, светлая радость. Возможно, в Кассиоре действительно было свое особенное очарование, которое стоило того, чтобы его разгадать.

Меган, заметив моё задумчивое, почти мечтательное выражение лица, мягко подтолкнула плечом.

— Ну что, впечатляет? Таким видом ни один ваш мегаполис похвастаться не может, — с легкой снисходительностью в голосе произнесла она.

Мы нашли место на широком бетонном парапете, обрамлявшем стадион, и устроились там, поджав под себя ноги. День действительно клонился к вечеру, и наступал тот самый «золотой час», когда свет становится густым и волшебным. Солнце, опускаясь к верхушкам деревьев, пробивалось сквозь густую листву длинными, косыми лучами. Они буквально резали воздух, превращая его в золотую пыль, и ложились на изумрудный газон поля причудливыми световыми пятнами. Лесная опушка, еще недавно ярко-зеленая, теперь погрузилась в теплые, глубокие тени, а кроны деревьев горели на закате, словно охваченные тихим пожаром.

Мы просидели так довольно долго, пока небо на востоке начало синеть, предвещая скорые сумерки. Меган, устроившись поудобнее, взяла на себя роль гида по предстоящей школьной жизни. Она рассказывала о странностях учителей — о строгой миссис Клейборн, чей гневный взгляд мог остановить часовой механизм, и о добродушном мистере Хендерсоне, который мог целый урок говорить о жизни жуков-навозников. Она делилась сплетнями об одноклясс-

никах, рисовала картины школьных праздников и драк в столовой, описывала, кто с кем дружит, а кто кого терпеть не может. Я слушала, кивая, и этот тихий, доверительный монолог на фоне угасающего дня понемногу делал грядущее первый день в школе менее пугающим.

Внезапно Меган спохватилась, хлопнув себя по лбу.

—Твою ж… совсем забыла! Мы же должны были заглянуть к собору! Если нам повезет, мы сможем увидеть отца Антонио.

При имени священника выражение лица Меган мгновенно преобразилось. Ее обычная насмешливая ухмылка сменилась чем-то мягким, почти благоговейным. Взгляд стал задумчивым, а в уголках губ заиграла смущенная, мечтательная улыбка. Она выглядела так, словно кто-то произнес имя ее тайной любви, а не местного пастора. Я не могла не заметить эту разительную перемену.

— А что в нем такого особенного? — спросила я, поднимая бровь.

— Ох, — Меган загадочно улыбнулась, ее глаза блеснули в сумерках. — Это ты должна сама увидеть. Словами не описать.

Мы заспешили обратно, но на этот раз Меган повела меня не назад, к центру, а вдоль длинной, плавно изгибающейся улицы, которая, казалось, была главной осью всего Кассиора.

— Представь себе песочные часы, — пояснила Меган, ускоряя шаг. — Школа — на одном конце, церковь — на другом. А между ними — весь наш милый, сонный город. От одной до другой быстрым шагом минут двадцать, не больше.

И мы зашагали этим маршрутом, оставляя позади кирпичные здания школы и ее тенистый парк. Дорога снова пошла на подъем, и я вскоре поняла, что Кассиор лежал в широкой, пологой долине, и мы сейчас поднимались к ее западному краю. По мере нашего движения пейзаж за окнами домов постепенно открывался: мы видели, как позади и внизу от нас раскинулись крыши остального городка, утопающие в зелени, а впереди, на возвышении, все отчетливее вырисовывались те самые серебряные шпили с ярким красным крестом на самом верхнем куполе.

Воздух и вправду менялся, становясь заметно свежее и прохладнее, будто мы поднимались в гору не только в географическом, но и в каком-то другом, необъяснимом смысле.

Вскоре между верхушками платанов показались острые шпили, сияющие на закате, будто отлитые из чистого серебра. По мере нашего приближения здание собора Сан-Франческо открывалось во всем своем величии. Оно было построено из светлого песчаника, и лучи заходящего солнца заставляли его стены буквально гореть теплым медовым золотом. Церковь выглядела не просто новой — она выглядела безупречной, словно ее построили вчера. Ни одной трещинки, ни одного потемневшего от времени камня.

Перед главным фасадом, украшенным ажурной каменной резьбой с изображениями ангелов и святых, раскинулся идеальный изумрудный газон. В его центре бил фонтан — изящная мраморная чаша, в центре которой стояла статуя юной богини с кувшином на плече. Струи воды, подсвеченные изнутри, искрились в сумерках, словно струились жидкие алмазы. По сравнению со всей скромной, хоть и милой, архитектурой Кассиора, собор казался чудом, роскошным дворцом, заброшенным сюда по ошибке.

— Да, — выдохнула Мег, останавливаясь и складывая руки на груди, словно в молитве. — Смотря на это, можно поверить в чудо. Правда же?

Не дожидаясь ответа, она достала телефон, листала галерею и протянула его мне.

— Вот. Так это все выглядело лет тридцать назад, при отце Пабло.

На экране была та же церковь, но серая, обшарпанная. Шпили были ржавыми, на стенах облупилась штукатурка, обнажая кирпич. Фонтана не было и в помине — на его месте зиял пустой бетонный фундамент, заросший сорняками.

— Отец Пабло это тот, о котором говорила мисс Элси? — уточнила я, внимательно разглядывая фотографию.

— Ага, — кивнула Меган. — Он служил здесь вечность. А потом уехал к сыну в Италию, кажется лет десять назад. Говорят, он там вскоре и умер.

Она провела пальцем по экрану, перелистнув на следующее фото.

— А так — церковь выглядела девять назад. Уже чуть получше, но все равно не то.

Церковь на этой фотографии все еще выглядела старой, но следы разрушения были менее явными. Кое-где виднелись следы свежей краски, крыша выглядела целой.

— А что случилось? Почему все так изменилось? — не удержав своё любопытство спросила я.

— А через год после отъезда отца Пабло сюда приехал его сын, Антонио, — объяснила Меган, и в ее голосе вновь послышались те же мечтательные нотки, что и раньше. — Решил продолжить дело отца. И, как оказалось, — она понизила голос до конфиденциального шепота, — Он оказался чертовски богат. Вложил в реставрацию кучу своих денег. Все это, — Меган широким жестом обвела сияющее здание, фонтан и безупречные газоны, — Его рук дело. Превратил рухлядь в шедевр искусства. — Она забрала телефон, и ее взгляд устремился куда-то вглубь церковного двора. Я последовала за ее взглядом.

И увидела отца Антонио. Он стоял на каменной террасе перед боковым входом в собор, спиной к заходящему солнцу, так что его фигура была силуэтом на фоне золотого неба. Высокий, с прямой осанкой и широкими плечами, он не был похож ни на одного священника, которого я когда-либо видела. Он что-то говорил двум прихожанам, и его жесты были плавными и уверенными. Расстояние не позволяло разглядеть черты лица, но в его позе, в ореоле закатного света читалась странная, почти магнитная гармония. Даже отсюда было понятно — молод, строен и красив. Совершенно неестественной, отполированной красотой, как у статуи.

— Шикарный… — прошептала Меган, и в ее голосе зазвучала та самая смесь благоговения и влюбленности.

Я молча кивнула, понимая почему Меган смотрела на фотографии старой церкви с легкой грустью, а на новую — с таким восторгом. Он был не просто реставратором; он был создателем этого нового, сияющего мира. И сам выглядел как его главное и самое совершенное творение.

И в этот момент, будто уловив наш восхищенный взгляд, он медленно обернулся. Его взгляд скользнул по Меган и остановился на мне. На его губах играла легкая, почти незаметная улыбка, полная спокойной уверенности и какой-то потусторонней доброты. Он поднял руку в нежном, приветственном жесте.

Реакция Меган была мгновенной и катастрофической. Она застыла на месте, затем, как марионетка, дернула рукой в ответ, и на ее лице расцвела такая блаженная и глупая улыбка, от которой мне стало за нее слегка стыдно.

— Меган, дыши, — прошипела я, глядя прямо перед собой и стараясь не шевелить губами, как секретный агент. Моё тело напряглось, словно я пыталась стать невидимой. — Ты сейчас как перегретый чайник свистнешь.

Но Меган была уже в иной реальности. Ее пальцы впились в мой рукав, а глаза стали круглыми, как блюдца, наполненными безмолвным визгом. Она застыла в неестественной позе, словно ее загипнотизировали.

— Он на нас смотрит! — выдохнула она, и ее шепот был полон такого благоговейного ужаса, будто она увидела не человека, а нисхождение небесного создания.

Я, все еще сохраняя маску стоического безразличия, почувствовала, как по моей спине пробежали мурашки. Не от восторга, а от странности этого момента. Эта улыбка была слишком идеальной, слишком отрепетированной, как у актера на сцене.

— Я вижу. — сквозь зубы процедила я, чувствуя, как начинает затекать шея от неподвижности. — Мои глаза еще не остекленели от восторга и не вытекли на тротуар.

— А ты чего стоишь, как столб? — Мег внезапно толкнула меня локтем в бок, выбивая воздух. — Улыбнись хоть! Выгляди дружелюбно!

Я, пойманная врасплох, скривила губы в нечто, среднее между улыбкой и гримасой боли от толчка.

— Так, — фыркнула я, когда священник, наконец, развернулся и ушел внутрь церкви. — Ты довольна? Я почти что просияла. Хорошо, что в обморок от его ангельской красоты ты меня просишь не падать. Для этого мне нужно как минимум бархатное одеяло и обещание, что меня будут кормить виноградом.

Меган, наконец, оторвав взгляд от пустого теперь места на террасе, с облегчением выдохнула и рассмеялась.

— Ладно, ладно, признаю, я немного перегнула. Но ты же видела...

В этот момент у нее в кармане зазвонил телефон. Меган вытащила его, взглянула на экран и закатила глаза.

— Мама... Алло? Да, мам, мы около церкви. Серьезно? — Ее лицо просветлело. — Хорошо, мы уже идем. — Она положила трубку и повернулась ко мне с сияющей улыбкой.

— Встреча старых подруг состоялась! Наши мамаши, кажется, уже успели встретиться, накупить пол-магазина и теперь решили, что это прекрасный повод устроить вечер воспоминаний у тебя дома. Моя уже мчится к вам с пиццей и, боюсь, тоннами сплетен о своем бурном детстве. Нас срочно вызывают в штаб.

Я почувствовала, как по всему телу разливается приятная усталость. Целый день на ногах, бесконечная ходьба по городу, жара — все это навалилось на меня разом. Ноги приятно ныли, а мысль о том, что можно наконец присесть и никуда не идти, казалась блаженством.

— Ну что ж, — Я с облегчением вздохнула и потянулась, чувствуя, как хрустят уставшие мышцы. — Похоже, экскурсия окончена. Мои ноги подают сигнал бедствия. Вперед, к домашнему хаосу и горизонтальному положению.

— Да ладно тебе, — фыркнула Меган, но сама с наслаждением размяла плечи. — Это была просто разминка.

— Называй как хочешь, а мне после всего этого нужно что-то простое, жирное и калорийное, — заявила я, уже мысленно предвкушая пиццу. — Надеюсь, твоя мама купила с тройным сыром. Мне нужно восполнить все калории, которые мы сегодня сожгли, исследуя бескрайние просторы.

Дорога до дома пролетела незаметно в уютном вечернем сумраке. В центре города уже гасили свет в витринах, и «Сладкий Кассиор» закрывал свои ставни. Мы свернули налево, на нашу улицу, где в ряд выстроились аккуратные, почти одинаковые домики. И тут я снова увидела те самые листовки. «Пропал ребенок. Билл Торн». Фотография улыбающегося мальчика теперь казалась мне не просто безликой картинкой. Я смотрела на живого человека, который ходил по этим же тротуарам, дышал этим же воздухом. И Меган, скорее всего, его знала.

Мысли закрутились у меня в голове, складываясь в тревожную мозаику. Этот парень был не абстрактной жертвой из новостей. Он был частью этого маленького мирка. Он наверняка учился в той самой школе с башенкой, сидел за этими партами, бегал по тому самому полю у леса, где мы только что видели оленей. Возможно, он даже состоял в футбольной команде и после тренировки заходил в ту самую забегаловку «У Дорис», куда мы так и не дошли. Он был здесь, плоть от плоти Кассиора.

— Мег, — тихо начала я, снова чувствуя тот самый холодок, что пробежал по спине в лавке мисс Элси. — Ты... ты его знала? Билла Торна?

Меган взглянула на листовку, и ее оживленное лицо на мгновение помрачнело.

— Лично — нет. Он был на класс младше. Но да, конечно, я его знала. Он с семьёй приехал сюда три года назад, играл за нашу школьную команду, защитником. А прошлым летом, мы с ребятами частенько собирались у старого причала на реке. Он там иногда появлялся.

Парень был тихий. Помогал родителям в их магазине «Торн-энд-Сан» — они торгуют всякой хозяйственной утварью, ведрами, лопатами и вот... он просто пропал.

— Папа у меня шериф, так вот, — Меган вздохнула, и ее веселое выражение лица сменилось серьезным. — Он сказал, что Билл вышел рано утром на ловлю раков. У них с отцом это была традиция по субботам. Взял сачок и ведро, как обычно. И... не вернулся. Родители забеспокоились только на следующее утро. Сначала думали, может, заночевал у друга, хотя он такого никогда не делал без предупреждения. Потом обзвонили всех. — Она замолчала, глядя куда-то в сторону темнеющего леса. — Когда папа организовал поиски, это было что-то. Все мужчины городка, собаки... Прочесывали каждый метр вдоль реки. И ведь кое-что нашли. На том самом месте, где он обычно ловил раков. Его ведро и сачок лежали аккуратно, как будто он их только что поставил. Но земля вокруг... она была вся исполоскана. Следы. Странные. Глубокие, будто он метался, топтался на месте. А потом — длинные борозды, словно он поскользнулся и побежал, спотыкаясь. И не вдоль берега, а напрямик, в самую чащу. И больше ничего. Собаки взяли след, но уже через пару сотен метров начали скулить и кружить на месте. Будто он просто растворился в воздухе.

Я слушала, и сочувствие тяжелым камнем ложилось на сердце. Представила родителей, их нарастающую панику, когда привычный утренний распорядок обернулся кошмаром. Но сквозь сострадание пробивалось и другое, более острое чувство — жгучее любопытство. Это была не просто трагедия. Это была загадка. И загадка эта произошла здесь, в этом, казалось бы, идеальном, спящем городке, где олени выходят на футбольное поле, а священники выглядят как с обложки глянцевого журнала. Что-то здесь было не так. И это «не так» было гораздо глубже, чем могло показаться на первый взгляд.

Мы подошли к дому, где у тротуара уже стояла машина миссис Гловер. Из открытых окон доносились взрывы смеха и запах пепперони.

— Кажется, наша миссия «незаметно проскользнуть в комнату» провалена, — констатировала Меган, с театральным вздохом открывая входную дверь.

Нас встретил шум — не громкий, а именно тот теплый, насыщенный гул, который возникает, когда подруги, не видевшиеся годы, пытаются за вечер наверстать упущенное. В гостиной царил уютный хаос: на полу стояли распакованные коробки, но на кофейном столе уже красовались открытые коробки с пиццей и две бокала с белым вином.

— А, наши путешественницы вернулись! — крикнула мама с кухни. — Быстро мыть руки и к нам! Рассказывать, что вы тут за день успели!

Мы послушно прошли в ванную, обменявшись красноречивыми взглядами. Вернувшись, устроились за кухонным столом, который теперь был центром вселенной. Атмосфера была плотной, как густой сироп: пахло расплавленным сыром, томатным соусом, духами Мартиши и едва уловимым ароматом ностальгии. Матери сидели, развалившись в креслах, их щеки порозовели от вина и смеха. Мама выглядела расслабленной, какой я не видела ее много месяцев.

— Ну? — Мартиша устремила на них любопытный взгляд, подперев подбородок рукой. — Где гуляли? Меган, надеюсь, не пугала новенькую нашими местными страшилками?

Мы принялись рассказывать, перебивая друг друга. Меган, активная и громкая, жестикулировала, описывая стадион и оленей. Я, более сдержанная, вставляла реплики, но в основном улыбалась, наблюдая за этой сценой. Я видела, как глаза мамы блестят, слушая восторженный рассказ о школе.

Когда речь зашла о соборе, Меган заметно оживилась. Она отложила свой кусок пиццы, ее глаза загорелись, и она принялась жестикулировать, словно пытаясь руками нарисовать в воздухе величие увиденного. Ее слова полились быстрее, голос наполнился неподдельным энтузиазмом, который заставил меня невольно улыбнуться — так заразительна была эта энергия.

— А еще мы видели отца Антонио! — воскликнула она. — Он как раз выходил из церкви. Представляешь, мы его чуть не сбили этим нашим приходом! — слегка преувеличила Меган.

Мартиша с пониманием кивнула, и в ее глазах вспыхнул тот же знакомый блеск, что и у дочери.

— Да, он просто ангел! — воскликнула она, обращаясь к Салли. — И какой проповедник! Каждое воскресенье у него после службы собирается молодежная группа — они и беседуют о духовном, и благотворительными проектами занимаются, да просто чай с печеньем пьют. Очень мило. Вам обязательно надо с Рейчел в это воскресенье прийти! Это прекрасный способ влиться в общину.

Мама, чье лицо наконец-то потеряло следы постоянного напряжения, задумчиво улыбнулась.

— Знаешь, а это и правда неплохая идея. Что скажешь, Рей? Сходим посмотрим?

— Ага, — отозвалась я, поднимая бровь. — Посмотрим на местную знаменитость. Интересно, он и вблизи так же фотогеничен?

Меган фыркнула, а Мартиша с притворным ужасом покачала головой.

— Ох, уж эти молодые... Никакого благоговения!

Пицца медленно исчезала, оставляя после себя лишь пятна масла на картонных коробках и россыпь засохших кусочков пепперони. Бокалы опустели, и на их дне остались лишь бледные следы от вина, напоминающие о минувшем веселье. За окном давно уже сгустилась ночь, и только мягкий свет кухонной лампы отбрасывал теплые тени на уставшие, но довольные лица.

Мартиша с театральным, комичным сожалением вздохнула и отодвинула свой стул, скрип которого прозвучал оглушительно громко в наступившей тишине.

— Ох, дорогие мои, — протянула она, с нежностью глядя на маму. — Кажется, наше маленькое празднество подошло к концу. Мне пора собирать своего сорванца и возвращаться к суровой действительности.

Начались неспешные, душевные проводы. Мартиша, пахнущая дорогими духами и вином, крепко обняла маму, и они еще минуту шептались о чем-то своем, с смешком качая головами. Затем она привлекла к себе меня, обняв с такой материнской силой, что у меня на мгновение перехватило дыхание.

— Ты здесь свой человек, милая, — прошептала она мне на ухо. — Чувствуй себя как дома.

Меган, тем временем, строила мне комичные рожицы, явно не в восторге от того, что вечер прерван. Мы быстро обменялись номерами телефонов под одобрительные взгляды матерей.

Наконец, дверь закрылась, и в доме воцарилась та особая, звенящая тишина, которая наступает после того, как умолкают гости. Она была густой и мирной, наполненной лишь тиканьем часов на кухне. Воздух все еще был сладок от запаха расплавленного сыра, томатного соуса и подгоревшей по краям пиццы, но теперь к нему примешивалось ощущение глубокой, приятной усталости и чего-то нового, едва уловимого — надежды, что здесь, среди этих еще не разобранных коробок, под этой старой крышей, все только начинается.

Я с наслаждением потянувшись, побрела наверх, мысленно готовясь к очередной схватке с ненавистной раскладушкой. «Ну, здравствуй, моя дурацкая пыточная конструкция», — устало подумала я, останавливаясь на пороге своей комнаты. И замерла.

Вместо угрюмого каркаса с тонким матрацем посреди пустоты стояла кровать. Небольшая, деревянная, с изящными резными столбиками по углам, на которых крепился легкий балдахин из струящейся белой ткани. На кровати лежало новое постельное белье в мелкий цветочек, а у изголовья — знакомая подушка из дома.

— Ма-ам! — крикнула я, срываясь с места и слетая вниз по лестнице. — Это что? Это просто потрясающе! Когда ты успела?

Мама, мывшая посуду на кухне, обернулась, вытирая руки. На ее лице светилась усталая, но счастливая улыбка.

— Мартиша помогла. Ее брат как раз мебель перевозит. Пока вы по городу гуляли, они все привезли и собрали.

Я не говоря ни слова, подбежала и крепко обняла мать. Такие моменты были редки, но в этот раз слова были не нужны.

Час спустя я лежала в своей новой кровати, уткнувшись лицом в свежую наволочку. Легкая ткань балдахина колыхалась от ночного бриза из открытого окна. Сквозь нее лунный свет становился мягким и размытым, заливая комнату таинственным серебристым сиянием. Я слышала, как внизу мама негромко передвигает стулья, завершая уборку.

Усталость накрыла меня теплой, тяжелой волной. Мысли путались: улыбка матери, довольное лицо Меган, олени на футбольном поле, силуэт священника на закате, тревожная история о пропавшем мальчике... Все это кружилось в голове, но уже без паники, а с каким-то смутным, пока еще неосознанным интересом. Последним осознанным ощущением было чувство глубокой благодарности за эту кровать, за этот дом, за эту тишину. И покачивающийся балдахин над головой был похож на парус, а моя кровать — на маленький, но надежный корабль, стоящий в гавани после долгого и б

ГЛАВА 3

Красный крест в сиянии витражей

Солнце пробивалось сквозь легкую ткань балдахина, окрашивая комнату в нежный, золотистый свет. Я проснулась не от скрипа пружин, а от того, что потянулась навстречу новому дню и не встретила сопротивления. Я лежала, раскинувшись звездой, и несколько секунд просто наслаждалась непривычным ощущением: просторно, удобно, и нигде ничего не впивается в бок. «Вот это да, — лениво подумала я, глядя на резные деревянные столбики над головой. — Настоящая кровать. Почти как в старой жизни. Только с привидением в виде балдахина».

Я нехотя сползла с постели, и босые ноги утонули в прохладном ворсе старого ковра. Воздух в комнате пах древесиной, пылью и едва уловимым ароматом лаванды — видимо, простыня была надушена. Подойдя к зеркалу, я критически оглядела свое отражение: сонное лицо, светлые пряди волос взъерошены.

Одеваясь, я выбрала то, что считала компромиссом между своим стилем и ожиданиями провинциального общества: длинную джинсовую юбку в пол и простой черный топ. «Выгляжу как хиппи на пенсии, — мысленно усмехнулась я, — но, по крайней мере, не как беглая преступница».

Спускаясь вниз, я уловила знакомый запах — кофе и... печенья? На кухне царил приятный творческий беспорядок. На столе красовалась тарелка с только что испеченными песочными пирогами, а мать, стоя у плиты, доливала себе в кружку кипяток. Её лицо показалось мне более спокойным, чем за последние месяцы.

— Доброе утро, — Улыбнулась мне мама. — Я, кажется, немного перестаралась с выпечкой. Придется раздавать.

— Утро, — буркнула я, наливая себе сок.

Я села за стол, отламывая кусочек от теплого еще пирога. Он таял во рту, напоминая о том, что мама когда-то давно, до долгов, отчаяния и побега, любила и умела печь.

— Кстати, о вчерашнем дне, — начала мама, прислонившись к кухонной столешнице и обхватив кружку руками. — Встреча с Руфусом... с директором, прошла хорошо.

Я подняла на нее глаза, продолжая жевать.

— Он говорит, что определил тебя в класс к Меган. Так что у тебя сразу будет напарник по этой... новой школьной эпопее. — В голосе мамы слышалась надежда, будто этот факт мог волшебным образом решить все проблемы адаптации.

Я почувствовала, как внутри что-то отпустило. Не то чтобы я боялась школы, но мысль о том, что придется пробиваться через школьные кланы в одиночку, угнетала. А так, с Меган, с её болтливостью и знанием местных «горячих точек», всё могло быть даже забавно. На моем лице мелькнула легкая, почти неуловимая улыбка.

— Ну, знаешь, — сказала я, делая вид, что это меня совершенно не волнует. — Хоть одна хорошая новость. И когда же начнётся это веселье?

— В понедельник. А в субботу нам нужно зайти в школу, получить учебники и оформить последние бумаги.

Выпив последний глоток сока, я отодвинула тарелку.

— Ну что ж, — протянула я. — И чем займемся сегодня, кроме уничтожения этих стратегических запасов выпечки? — Я показала подбородком на пироги, соблазнительно лежавшие на столе.

Мама вздохнула, но в этом вздохе была не усталость, а решимость.

— Я думала, нам стоит проявить вежливость. Несколько человек вчера звонили, приглашали зайти. Мартиша, конечно и кое-кто еще из старых знакомых. Я не могу идти одна, и сидеть тут в одиночестве я тебе тоже не позволю.

Я представила себе этот день: бесцельное блуждание по дому, листание ленты в соцсетях, тоскливое наблюдение за пылинками в солнечных лучах. Мысль была удручающей. А вот пройтись по городу, пусть и с визитами вежливости, да еще и с тарелкой пирогов — это уже похоже на действие. Пусть и дурацкое.

— Да уж, вариантов у меня не так много, — с легкой саркастической нотой в голосе согласилась я. — Пойдемте же раздавать ваши дары нищим и страждущим.

Наш небольшой «благотворительный» поход начался с визита к миссис Хопкинс, той самой женщине, что присматривала за бабушкиным домом. Пожилая дама с лицом, испещренным морщинами-паутинками, встретила нас на крыльце, вытирая руки о фартук.

— Салли! Родная! И это, должно быть, маленькая Рейчел? — воскликнула она, и ее голос прозвучал скрипуче, но радушно. Она взяла пирог, и ее пальцы, шершавые от работы, на мгновение прикоснулись к моей руке. — Спасибо, милые! Ваша мама, Элейн, была замечательной женщиной. Всегда такая тихая, задумчивая... — Она покачала головой, и в ее глазах мелькнула тень чего-то невысказанного, но тут же исчезла, сменясь улыбкой. — Заходите как-нибудь на пироги с ревенем, у меня их — урожай!

Следующей остановкой стала лавка мисс Элси. Колокольчик над дверью прозвенел так же жалобно, как и в прошлый раз. Старушка сидела на своем посту за прилавком, но на этот раз не вязала, а разглядывала старую карту через огромную лупу.

— А, Роквуды! — произнесла она, не отрывая взгляда от карты. — Чуяла моим костяным позвоночником, что сегодня будут гости. Заходите на чай, не стесняйтесь.

Отказываться было бесполезно. Пока мисс Элси возилась с заваркой, ее увеличительное стекло, брошенное на карту, выхватывало странные отметки на окраинах Кассиора, рядом с лесом. Я невольно пригляделась. «Что она там ищет?» — мелькнула мысль.

Чай оказался крепким, горьковатым и пах полынью. Мисс Элси расспрашивала маму о жизни, но ее взгляд то и дело возвращался ко мне, словно она видела во мне не внучку её подруги, а чье-то отражение. «Она смотрит на меня, как на бабушку», — с внезапной ясностью поняла я, и по спине пробежали мурашки.

Через пару часов спустя мы двинулись дальше в сторону дома Гловеров. Мы уже собрались было отнести оставшиеся пироги, когда в кармане моей джинсовой юбки завибрировал, а затем залился мелодичным перезвоном телефон. Я достала его, увидела на экране имя «Меган» и невольно ухмыльнулась.

— Ну точно, — проворчала я, — как будто она нас через камеру наблюдения видит. Алло?

— Приве-е-ет! — в трубке послышался такой энергичный и немного жалобный голос, что его было слышно даже маме, стоявшей рядом. — Я умираю от скуки! Ты чем занята?

Я уже собралась было описать наш «благотворительный» поход с пирогами, но Меган не дала мне и рта раскрыть.

— Слушай, а приходи ко мне в субботу! — продолжила она, словно выдав заветную идею. — Утром потупим, поболтаем, а потом вместе за учебниками сходим? А то одной идти тоскливо, как на казнь.

Я прикрыла трубку ладонью и перевела взгляд на мать.

— Меган. Зовет в гости в субботу. Предлагает вместе за учебниками сходить.

— Прекрасная идея! — Мама улыбнулась, и на ее лице появилось выражение облегчения — Я как раз думала, как тебе туда добираться. И ещё, — сказала она, переглянувшись со мной. — Раз уж ты идешь к ним в субботу, то, может, и не стоит им сегодня надоедать? Пироги мы как-нибудь передадим потом. А сейчас... — Мама окинула взглядом улицу, словно ища новую цель для их благотворительности. — Может, сходим к миссис Клейборн? Руфус говорил, что она до сих пор живет в том же доме на Мейн-стрит. Она была моей учительницей литературы.

Я кивнула, снова поднося телефон к уху.

— Мег, слушай, отлично. В субботу я у тебя. Договорились.

— Супер! — обрадовалась Меган. — Жду-не дождусь! А то тут кроме телевизора с бабушкой развлекаться не с кем.

— Понимаю, — ответила я. — Держись там. До субботы.

Я положила телефон в карман. Планы на день снова переменились, но теперь в моём календаре висел четкий и даже немного желанный пункт: «Суббота: Меган, учебники, спасение от скуки». А пока что нас ждал визит к бывшему учителю литературы. «Поехали дальше покорять Кассиор песочным наступлением», — с горьковатой иронией подумала я, следуя за матерью.

***

Домой мы вернулись уже затемно, когда сумерки окончательно сгустились в настоящую ночь. День, наполненный бесконечными улыбками, чаепитиями и разговорами о «давно забытом прошлом», вытянул из меня все силы. Я чувствовала себя так, будто меня пропустили через мясорубку вежливости. Ноги гудели, а на лице застыла маска уставшей приветливости. Единственным желанием было доползти до своей прекрасной кровати и провалиться в бездонный сон.

— Ты должна поесть, — мягко, но настойчиво остановила меня на полпути к лестнице мама. Ее собственное лицо тоже было серым от усталости, но в глазах горела упрямая материнская забота. — Я разогрею курицу. Ляжешь без ужина — проснешься среди ночи от голода.

Мне хотелось возразить, но сил не было даже на это. Я просто молча плюхнулась на кухонный стул, положив голову на сложенные на столе руки. Через несколько минут передо мной стояла тарелка, от которой тянулся пряный, согревающий аромат — золотистый соус карри с нежными кусочками курицы, в котором утопали зерна риса. Ложка в моей руке казалась невероятно тяжелой. Я медленно, почти на автомате, съела свою порцию. Острая, насыщенная еда оказалась кстати — тепло разлилось по телу, прогоняя накопившуюся за день душевную озноб.

— Спасибо, — тихо выдохнула я, отодвигая пустую тарелку. Голос звучал хрипло от усталости. Мама, мывшая посуду, лишь кивнула в ответ, и я, наконец, потащилась наверх.

В своей комнате я с наслаждением сбросила с себя джинсовую юбку и топ, натянула старую, мягкую футболку и подошла к окну, чтобы закрыть его. За стеклом бушевала непогода. Поднялся сильный ветер, он раскачивал верхушки соседних дубов с угрожающим шепотом, а по стеклу застучали первые редкие капли дождя.

И тут, в свете одинокого уличного фонаря на краю нашего участка, мелькнул силуэт. Высокий мужчина в темном двигался быстрым, решительным шагом по тропинке, что вела прямиком в стену темного, непроглядного леса. В одной руке он нес небольшой, но яркий фонарь, луч которого прыгал по земле, а в другой... Я прищурилась, вглядываясь в промозглые сумерки. Какой-то продолговатый предмет. Лопата? Или мотыга?

Моё сердце не заколотилось от страха — нет, его сжал странный, холодный интерес, заставивший забыть о сне. Кто этот человек и что, черт возьми, он мог делать в лесу в такой час и в такую погоду? Конечно, он мог оказаться местным жителем, но тропинка, насколько я успела заметить, вела вглубь чащи, в сторону от жилых домов. Версия про охотника тоже не выдерживала критики — с какой стати кому-то идти на промысел ночью, да еще и с лопатой? Мысль о гробокопателе показалась мне почти смешной, но от этого не становилась менее жуткой в своем мрачном абсурде.

«Кто бы это мог быть? — пронеслось у меня в голове. — И что ему нужно в чаще в такой час?» Эта картина была одновременно загадочной и пугающей. Было в ней что-то такое, что отзывалось эхом от шепотков за чаем у мисс Элси, от смутных намеков старых фотографий и обрывочных странных историй, которые я успела услышать. Ночной путник с лопатой казался живым воплощением тех самых невысказанных тайн, что витали над Кассиором.

Силуэт растворился в темноте между деревьями, поглощенный лесом, будто его и не было. Только слабый желтоватый отсвет фонаря еще несколько секунд мелькал в чаще, а затем и он исчез. Я стояла у окна, прижав ладонь к холодному стеклу, уже не чувствуя усталости. Мой ум, еще минуту назад готовый отключиться, теперь лихорадочно работал, строя догадки. Лес, который днем казался идиллическим обрамлением городка, теперь выглядел иным — живым, дышащим тайной и хранящим чужие секреты. И кто-то только что вошел в его владения, чтобы копаться в них под завывание ветра и шум дождя. Я была почти уверена, что это не последняя странность, которую мне предстоит увидеть.

***

Следующие два дня пролетели в суетливой рутине, которая, как ни странно, начала понемногу обживать новый дом. Мы с матерью съездили в соседний городок за комодом для прихожей и книжными полками — она с упоением собирала их, ворча на отсутствие нормальной отвертки. Я, в свою очередь, обнаружила, что кран на кухне подтекает, и после получаса возни с разводным ключом и тряпками мне таки удалось устранить протечку, что вызвало у меня неожиданный приступ гордости. Эти мелкие бытовые победы понемногу делали чужой дом своим.

И вот настала суббота. Я, слегка волнуясь, как перед любым новым визитом, направилась к дому Гловеров. Он находился на нашей же улице, но ближе к центру, и по мере приближения дома становились больше и ухоженнее.

Дом Меган оказался просторным двухэтажным особняком в викторианском стиле, выкрашенным в теплый песочный цвет с белоснежными ставнями и такой же белой верандой, уставленной кадками с геранью. Он не кричал о богатстве, но дышал основательностью и зажиточным спокойствием. Аккуратно подстриженный газон и фигурно подрезанные кусты у входа завершали картину идеального семейного гнезда.

Я еще не успела как следует поднять руку к дверному молотку в виде львиной головы, как дверь распахнулась, и на пороге возникла Меган. Она была одета в ослепительно-розовый плюшевый костюм с рожками на капюшоне, отчего напоминала раздобревшего единорога.

— Боже, наконец-то! — воскликнула она, и ее лицо расплылось в счастливой улыбке. — Я уже думала, ты потерялась в дебрях нашей улицы!

Не дав мне и слова вымолвить, Меган схватила меня за руку и втащила в дом, сразу начав экскурсию.

— Это наша обитель, — объявила она, размахивая свободной рукой. — Внимание, не споткнись о папины ботинки, он вечно их тут оставляет.

Прихожая была светлой и просторной, с паркетным полом, на котором лежала дорожка в мелкий цветочек. Слева висело огромное зеркало в позолоченной раме, а под ним стояла старинная дубовая консоль. Воздух пах медом, корицей и какой-то дорогой полиролью для мебели.

— Это гостиная, — Меган протащила меня мимо большой комнаты с камином, где на диване лежала кошка. — Там мамино царство, все эти кружевные подушечки — ее рук дело. — А это наша столовая, — она изящным жестом указала на следующую дверь, за которой виднелся длинный полированный стол. — Там мы собираемся по особым случаям, а в обычные дни предпочитаем неформальную обстановку кухни.

Мы миновали уютную кухню с массивным деревянным столом по центру и сверкающей техникой, и тут из комнаты в дальнем конце коридора донесся звук, от которого я вздрогнула. Это был невыносимо громкий, раздирающий, влажный кашель, звучавший так, будто чьи-то легкие пытались вырваться наружу. Он был полон такой боли и слабости, что стало не по себе.

Я замерла и вопросительно посмотрела на Меган. Та лишь махнула рукой, но ее веселая улыбка на мгновение померкла.

— Это бабушка Ирма, — тихо сказала она, отводя взгляд в сторону закрытой двери. — Она очень больна. Рак легких, четвертая стадия, кажется. — Меган произнесла это с привычной, отработанной горькой легкостью. — Врачи говорят, что опухоль неоперабельна. Дают ей месяцев пять, не больше.

В воздухе повисла тяжелая пауза, которую Меган поспешила развеять, снова хватая меня за руку.

— Ладно, не будем о грустном! Пойдем наверх, покажу свою берлогу!

Она почти потащила меня по широкой деревянной лестнице на второй этаж. Указав на массивную темную дверь с табличкой «Кабинет», она строго сказала: «Папин домашний офис. Вход воспрещен. Там его рации, бумаги и прочие шерифские штуки. Всегда заперто».

Комната Меган, в которую мы вошли следующей, оказалась настоящим взрывом цвета и контролируемого хаоса. Стены были выкрашены в теплый бирюзовый цвет и завешаны постерами с Арианой Гранде, коллажами из вырезок журналов и гирляндами из светящихся лампочек. У окна стоял просторный компьютерный стол, заваленный косметикой, тюбиками с красками и ноутбуком с наклейками. Застеленная ярким покрывалом кровать была уставлена десятком подушек разных размеров, а на полках, ломящихся от книг и DVD, соседствовали потрепанные учебники по химии и коллекция кукол. Воздух пах клубничной жвачкой и лаком для волос. Повсюду царил творческий, немного инфантильный беспорядок, который был безмолвным, но красноречивым криком юной души, пытавшейся отгородиться от взрослых проблем, кипевших этажом ниже.

Посидев в комнате еще с полчаса, Меган листала ленту соцсетей, показывая мне смешные видео и местные мемы, а я в ответ рассказывала забавные истории из своей старой школы в Новом Орлеане. Потом Мег с внезапной деловой серьезностью всплеснула руками.

— Так, с развлечениями покончено! Пора переходить к деловой части программы. Нужно же тебе знать, с кем тебе предстоит учиться!

Она подошла к книжной полке и достала потрепанный школьный фотоальбом. Усевшись снова на кровать, мы принялись его листать. Меган тыкала пальцем в фотографии, комментируя их с видом опытного гида.

— Это Алиса, она помешана на корейских дорамах... А это наш местный ботаник, Лео... О, а это Ричи, — она показала на парня с насмешливыми карими глазами и темными волнами волос, в ухе мелькала небольшая серебряная серьга-гвоздик. — Главный скептик и остряк. С ним весело, но он может свести с ума своими вечными «а ты это доказать можешь?».

Я кивала, стараясь запомнить лица. Мой взгляд задержался на следующем фото, где был запечатлен улыбающийся парень с ярко-голубыми глазами и светлыми, почти белыми волнами волос.

— А это кто? — спросила я, стараясь, чтобы вопрос прозвучал максимально непринужденно.

Меган скривила губы в понимающей усмешке.

— Ага, ты не первая, кто спрашивает. Это Итан Моррисон. Капитан нашей команды по регби и неофициальный принц Кассиора. Его семья — самая богатая в городе. Отец — какой-то большой чин в суде в Батон-Руже, а мать держит тут самый пафосный салон красоты. А вот... — Меган перелистнула страницу и показала на девушку с таким же ослепительно-белокурыми волосами, собранными в идеальный пучок, и холодными голубыми глазами. Ее надменная улыбка, казалось, говорила: «Я тебя уже ненавижу». — ... его сестра, Хлои. Наше местное воплощение злой королевы из сказки. Балованная, считает себя центром вселенной. Лучше держись от нее подальше. Она считает, что школа — это ее личный подиум, а мы все — недостойная публика.

После альбома мы спустились на кухню, где миссис Гловер, уже одетая и собранная, напоила нас чаем с шоколадным печеньем. Мы посидели за столом, обсуждая увиденное, потом снова поднялись в комнату и устроились на кровати, болтая обо всем на свете — от музыки до страшных историй про школу.

К обеду мы наконец созрели для вылазки. Дорога до школы была недолгой и оживленной. Нам то и дело встречались другие школьники, сновавшие туда-сюда. Многие здоровались с Меган, а она в ответ шептала мне: «Вон тот, в красной толстовке, в прошлом году на химии чуть лабораторию не взорвал».

Когда мы подошли к школе, я увидела, что за прошедшие дни с ней произошла поразительная перемена. Газоны были безупречно подстрижены, клумбы пестрели свежевысаженными бархатцами и бегониями, а здание сияло чистотой. Воздух пах свежескошенной травой и краской — где-то явно подновляли перила.

Внутри мы сразу наткнулись на сторожа. Крепкий, невысокий мужчина лет шестидесяти, с седыми, идеально подкрученными усами, напоминавшими ручки велосипеда, и в форменной рубашке с нашивкой. Он что-то записывал в толстый журнал.

— Привет, дядя Арни! — бросила ему Меган.

— Меган, здравствуй, — его лицо расплылось в доброй улыбке, отчего усы поднялись еще выше. Он перевел взгляд на меня, и его глаза прищурились с дружелюбным интересом. — Ну, я смотрю, у нас пополнение?

— Это Рейчел, она переехала в дом покойной мисс Элейн, — пояснила Меган. — Мы за учебниками. Как обычно?

— Так, так, — кивнул сторож. — Все как всегда, в библиотеке. Прямо по этому коридору, никуда не сворачивая.

Мы двинулись дальше. Школа внутри была тихой и почти пустынной. Наши шаги гулко отдавались в широком, освещенном люминесцентными лампами коридоре. Свет падал на ряды темно-синих шкафчиков — безмолвной металлической стражи. Из-за одной из дальних дверей доносились приглушенные голоса и звук передвигаемой мебели — кто-то из учителей тоже готовился к началу года. Странно было видеть это обычно шумное место таким безлюдным и замершим в ожидании.

Мы подошли к массивным дубовым дверям библиотеки, украшенным резными витражами с изображениями раскрытых книг и сов. Меган с усилием потянула за тяжелую бронзовую ручку и пропустила меня вперед.

Я замерла на пороге, пораженная. Библиотека оказалась не просто большой, а грандиозной. Двухъярусное помещение с резными деревянными галереями, к которым вели изящ-

ные винтовые лестницы. Высокие потолки терялись в полумраке, откуда свисали массивные люстры в стиле ар-деко, чей мягкий теплый свет отражался в полированном паркетном полу. Бесконечные стеллажи из темного дерева, до самого потолка, стояли стройными рядами, создавая целый лабиринт из знаний. Воздух был густым и торжественным, наполненным неповторимым ароматом старой бумаги, переплетной кожи и воска. Царила благоговейная, почти соборная тишина, нарушаемая лишь тихим шуршанием страниц и мерным тиканьем старинных часов.

В самом центре этого величественного пространства, за небольшим круглым столом под настольной лампой с зеленым абажуром, сидела женщина. И она разительно контрастировала с окружающей аурой академической строгости. Молодая, лет тридцати, с растрепанными рыжеватыми волосами, собранными в небрежный пучок, из которого выбивались живописные пряди. На ней был не строгий костюм, а мягкий свитер цвета спелой вишни, а на шее болтались очки в ярко-желтой оправе. Она что-то быстро записывала в толстый журнал, а уголки её губ были приподняты в легкой доброжелательной улыбке — словно она знала какую-то забавную тайну, скрытую в этих тысячах книг.

Возле стола стояла небольшая очередь из трех учеников. Процесс был отлажен: библиотекарша — мисс Лидия, как она представилась следующему ученику, — находила фамилию в списке, называла номер стеллажа и полки, и ученик отправлялся вглубь книжных лабиринтов, чтобы вернуться с охапкой учебников, расписаться и уйти.

Наконец очередь дошла до них.

— Меган Гловер, — бойко назвала себя подруга.

Мисс Лидия провела пальцем с изящно наманикюренным ногтем по списку, быстро нашла нужную строчку и, посмотрев на Меган поверх очков, улыбнулась.

— Ряд седьмой, полки с пятой по седьмую. Добро пожаловать в выпускной класс, Меган.

Меган кивнула и сделала шаг в сторону, давая мне возможность подойти.

— Рейчел Роквуд, — четко назвала я своё имя, чувствуя, как под взглядом библиотекарши немного нервничает.

Мисс Лидия снова углубилась в список. Ее брови слегка сдвинулись, палец медленно скользил по колонкам фамилий. Наконец, она остановилась в самом низу страницы, где чернильной ручкой была сделана приписка на полях.

— А, вот вы где! — воскликнула она, и ее лицо снова озарилось теплой улыбкой. Она посмотрела на меня, потом на Меган, и кивнула. — Рейчел Роквуд, новенькая. Правильно? Вам тоже седьмой ряд, полки с пятой по седьмую. — Она перевела взгляд на Меган. — Меган, ты здесь не первый год. Покажешь, куда идти?

— Конечно, — тут же откликнулась Меган, беря меня под руку. — Не переживай, я тебя не заберу в дебри каталогов.

Мы двинулись вглубь библиотеки, в седьмой ряд. Проход между высокими стеллажами был узким и тихим, а свет сюда проникал лишь сверху, создавая ощущение уединенного грота. Меган, явно знакомая с расположением, уверенно шла вперед, скользя пальцем по корешкам.

— Алгебра... — пробормотала она, останавливаясь и снимая с пятой полки два одинаковых толстых тома. Один она протянула мне. — Биология... — С шестой полки последовали еще две книги. — Литература и вот, эти последние.

Она передала стопку мне, и я с удивлением пересчитала книги. В моих руках оказалось шесть учебников — ровно такая же стопка была и у Меган.

— И это всё? — не удержалась я, глядя на все же довольно внушительную кипу. — Всего шесть?

— Ага. — Меган, уже развернувшись к выходу, кивнула. — Это только основные — по ним будут самые важные домашки и контрольные. Остальные, вроде трудов или ОБЖ, нам

будут раздавать прямо на уроках, а потом забирать. Чтобы мы, бедные и несчастные, не таскали на себе полунедельный запас макулатуры. Гениально, правда?

Я с облегчением вздохнула. По крайней мере, в этой сфере здесь был наведен идеальный порядок.

Мы вернулись к столу мисс Лидии, расписались в журнале и наконец направились к выходу. По пути болтали о чем-то незначительном, я расспрашивала про учителей, как вдруг сзади послышался быстрый, громкий топот. Я не успела даже обернуться, как мимо промчалась тень, и Меган с легким вскриком получила дружеский, но ощутимый подзатыльник. От неожиданности она выронила книги, которые с глухим стуком разлетелись по полу.

Парень, уже проскочивший мимо, лишь обернулся на бегу, и я узнала насмешливую ухмылку и серебряную серьгу из школьного альбома.

— Чтоб тебя, Ричи! — взвизгнула Меган, уже присевшая собирать учебники.

— Увидимся через пару дней, Пухляш! — крикнул он, и его голос веселым эхом раскатился по пустому коридору.

Я тут же присела на корточки, помогая подруге собрать разлетевшиеся учебники.

— И с какой стати он тебя «Пухляшом» обозвал? — не удержалась я от вопроса, с недоумением оглядывая худенькую фигуру Меган. Та с ее тощими ногами и острыми локтями была похожа на пухляша примерно как балерина — на борца сумо.

Меган, собирая последнюю книгу, фыркнула, но в ее глазах мелькнула не обида, а скорее досадливая ностальгия.

— А это, моя дорогая, эхо моего темного прошлого, — с пафосом провозгласила она, поднимаясь. — Лет до десяти я была настоящим пончиком. Облизывалась на каждую витрину булочной, а бабушка Ирма, чтобы меня утешить, вечно приговаривала, что я «не толстая, а крепко сбитая» и что «хорошего человека должно быть много». Потом в один прекрасный день я посмотрела на свои щеки на фото и объявила войну сахару. С тех пор не съела ни одной конфетки. Вот Ричи и не может забыть мои былые подвиги.

По пути домой, проходя мимо своего дома, я жестом показала на калитку.

— Заходи ко мне. Мама, наверное, еще не вернулась, посидим спокойно.

Она с готовностью согласилась. Войдя в дом, мы скинули обувь и поднялись в мою комнату. Меган с наслаждением плюхнулась на кровать с балдахином, отчего пружины жалобно заскрипели, а легкая ткань задрожала.

— Ох, — выдохнула она, раскинув руки, словно пытаясь обнять всю комнату. — А у тебя тут по-настоящему уютно. Как в маленькой крепости.

Мы полежали так несколько минут в комфортном молчании, глядя в потолок, пока разговор сам собой не перетек на наши жилища. Меган, перевернувшись на бок и подперев голову рукой, с легкой завистью провела ладонью по мягкому покрывалу.

— Вот честно, мне нравится твой дом. В нем есть душа. А у нас на чердаке, например, кроме пыли, еще и целая колония летучих мышей обитает. Иногда по ночам так шуршат и пищат, будто там у них проходят съезды вампиров. Мама говорит, что это «атмосферно», но лично мне немного жутковато.

— Повезло, — усмехнулась я. — У меня на чердаке только пауки, засохшие мухи и старый бабушкин секретер, который никому не нужен.

— Секретер? — Меган тут же подняла голову, ее глаза загорелись любопытством. — Настоящий, старинный? Покажи! Может, там спрятано что-то ценное.

Энтузиазм подруги был заразителен. Через пару минут мы уже стояли у люка на чердак. Я дернула за шнурок — лестница с скрипом опустилась вниз, и в лицо ударил знакомый спертый воздух, пахнущий древесной стружкой и забвением.

Лестница с громким скрипом приняла наш вес, и мы оказались в царстве сумрака и тишины, нарушаемой лишь нашими шагами. Чердак был огромным, его границы терялись во

мраке. В слабом свете из единственного запыленного слухового окна виднелись горы коробок — картонные, серые от времени, проседающие под тяжестью содержимого, плетеные сундуки и чемоданы с оторванными ремнями. Повсюду валялись обрывки газет, пустые рамки от картин, сломанный стул с торчащей пружиной и какой-то желтый пластмассовый пупс без одной руки, уставившийся в пустоту стеклянными глазами. Воздух был густым и сладковатым, пахнущим старыми книгами, нафталином и пылью с многовековым запасом.

— Тут хоть снимай хоррор про призраков, — прошептала Меган, и ее голос прозвучал приглушенно в этой давящей тишине. Она достала телефон и щелкнула фонариком. Луч света, словно нож, разрезал темноту, выхватывая то паутину в углу, похожую на серебряное кружево, то груду старых бабушкиных платьев, бережно упакованных в целлофан, то ящик с елочными игрушками из прессованного стекла.

Мы пробрались к секретеру. При свете фонарика он выглядел еще более величественным и таинственным. Меган, не теряя времени, принялась методично открывать все ящики один за другим. Скрип дерева оглушительно громко разносился под сводами чердака. Но все они были пусты, если не считать пары засохших мотыльков и окаменевшей мышиной поклажи в углу.

— Ничего, — разочарованно выдохнула она, закрывая последний ящик.

— Постой, — Я протянула руку и провела пальцами по боковой стенке одного из выдвинутых ящиков. — Смотри, тут щель. И эта панель... она как будто отходит.

Меган направила луч света точно на указанное место. Действительно, небольшая деревянная вставка, всего несколько сантиметров в ширину, была вставлена в основной массив и почти не отличалась по цвету, но по периметру виднелась тончайшая, почти невидимая линия.

— Надо что-то тонкое и острое, чтобы поддеть, — заключила Меган, оглядываясь вокруг. — Ищем!

Наши поиски превратились в настоящее археологическое исследование. Мы перерыли несколько коробок, набитых старыми кухонными счетами и выкройками из журналов. Меган откопала ржавые ножницы, но они были слишком толстыми и громоздкими. Я, роясь в ящике с какими-то железными деталями от давно разобранной мебели, наткнулась на длинный, узкий предмет. Это была старая металлическая линейка для черчения, прочная, с немного отогнутым и затупленным, но все еще достаточно острым краем.

— Идеально! — воскликнула Меган.

Вернувшись к секретеру, я вставила край линейки в щель. Дерево сопротивлялось, издавая неприятный скрежещущий звук. С первой попытки панель лишь качнулась. Со второй — послышался треск, заставивший обеих вздрогнуть. С третьей, после упорного нажима, маленькая деревянная панель с тихим щелчком отскочила и упала им в руки, подняв облачко пыли. За ней открылся еще один ящик. Крошечный, потайной. И на его фронтальной части виднелось аккуратное маленькое отверстие под ключ.

— Вау, — выдохнула Меган, заглядывая в замочную скважину. — Ну что, Шерлок, ключ имеется? — спросила она, хотя по ее тону было ясно, что она не надеется на положительный ответ.

Я, все еще держа в руках отломанную панель, с сожалением покачала головой.

— Нет. Но он должен быть здесь. Сто процентов валяется в одной из этих коробок, — я обвела рукой все «богатство» чердака. — Просто нужно время, чтобы все это перебрать.

— Что ж, — Меган чихнула, поднимаясь с колен и отряхивая пыль с розового костюма, превратившегося в серый. — На сегодня детективных подвигов достаточно. Я, честно говоря, уже вся чешусь и чувствую, что скоро начну кашлять шариками из пыли. Давай выбираться отсюда, пока мы совсем не превратились в экспонаты для этого музея.

Спустившись обратно в комнату, мы с облегчением вдохнули свежий воздух. Чердак оставил после себя ощущение тайны, которая была так близко, но все еще надежно спрятана.

Мы просидели в моей комнате до самого вечера. Разговор тек легко и непринужденно, перескакивая с школьных тем на музыку и обратно, и я с удивлением ловила себя на мысли, что за весь день ни разу не вспомнила о Новом Орлеане — настолько занятым оказалось настоящее. Наше уединение прервал звук ключа в замке и голос мамы снизу:

— Девочки, я дома! Рей, ты тут?

— Всё, мне пора, — со вздохом констатировала Меган, поднимаясь с ковра и потягиваясь. — А то моя мама начнет звонить в колокола.

В этот момент я машинально бросившая взгляд в окно, замерла. Снова. Тот же высокий силуэт в темном капюшоне, вырисовывающийся в сгущающихся сумерках. В руке у него снова был тот же продолговатый, тяжелый на вид предмет.

— Мег, смотри, — тихо, но резко позвала подругу, не отрывая взгляда от окна.

Меган, нахмурившись, подошла и прислонилась лбом к прохладному стеклу.

— Ну, мужик идет в лес, вижу, — пожала она плечами, ее голос не выражал ни малейшего удивления или тревоги. — И что?

— И что?! — я повернулась к ней, в ее глазах читалось недоумение. — То есть у вас тут это в порядке вещей? С наступлением темноты люди запросто идут в чащу с... с лопатой, что ли? — я пригляделась, стараясь рассмотреть что человек нёс.

В голове у меня пронеслись картины из дешевых триллеров, и холодок пробежал по спине. Для меня, городской жительницы, такое поведение было верхом странности и потенциальной опасности.

Меган фыркнула, глядя на моё озабоченное лицо.

— Ой, да перестань! — она махнула рукой, отмахиваясь от моих тревог, как от назойливой мухи. — Может, он пошел хворост собирать для камина. Или у него там шампиньоны растут в определенном месте, вот он и ходит. А может, у него собака закопала кость, вот он и роет. В Кассиоре все друг друга знают, тут не затеряться маньяку-людоеду, поверь.

Её объяснения звучали настолько обыденно и логично с точки зрения маленького городка, что я на секунду усомнилась в собственной впечатлительности. «Может, я и правда накручиваю себя?» Но образ одинокого путника, исчезающего в черной пасти леса, не хотел так просто отпускать.

Мы спустились вниз, в прихожую, где пахло уличной прохладой и маминими духами. Меган надела куртку.

— Ну что, — сказала она, поправляя капюшон. — Увидимся завтра? На воскресной службе?

Я на мгновение застыла, мысленно лихорадочно перебирая планы. Воскресенье... Церковь...

— Точно! — вырвалось у меня, лицо прояснилось. — Я совсем забыла! Да, конечно, увидимся.

Мы попрощались, дверь закрылась за Меган, оставив меня наедине с тишиной дома и собственными мыслями. Вечер прошел как в тумане: я поужинала с матерью, отвечала на её вопросы рассеянно, а потом, сославшись на усталость, поднялась к себе. Но даже лежа в кровати, вглядываясь в узоры теней на потолке, я не могла отогнать навязчивый образ: темный силуэт, растворяющийся среди деревьев, уносящий с собой тайну, которую моя подруга отказывалась замечать.

***

Утро воскресенья началось для меня с ощущения легкого, щекочущего нервы предвкушения. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь балдахин, казался сегодня особенно торжественным. За завтраком я механически намазывала тост арахисовой пастой, когда мой взгляд упал на мать, перебирающую почту.

— Мам, — начала я, откладывая нож. — А во сколько мы идем в церковь?

Мама отвлеклась от конвертов и посмотрела на меня поверх очков.

— Служба начинается в два, — ответила она, снимая очки и откладывая их в сторону. — Так что после обеда и соберемся.

До двух часов время тянулось мучительно медленно. Я попыталась почитать новые учебники, но буквы расплывались перед глазами. Я перекладывала вещи на полках, приводила в порядок стол и десятки раз подходила к окну, бесцельно глядя на улицу. Эта вынужденная пауза лишь сильнее накручивала мое любопытство и смутную тревогу.

— Мартиша написала, что они уже выехали и займут для нас места. Пора и нам. — объявила после лёгкого обеда мама.

Дорога к собору Сан-Франческо была на удивление оживленной. По мере приближения мы с матерью удивленно переглянулись. Мы ожидали увидеть скромную группу прихожан, но площадь перед церковью была заполнена людьми. Человек тридцать-сорок, все нарядно одетые — настоящее светское событие.

Мы медленно влились в поток людей, входящих через массивные дубовые двери. Переступив порог, я замерла, а мама тихо ахнула. Если снаружи собор поражал ухоженной роскошью, то интерьер был ослепительным.

Огромное, светлое пространство. Высокие сводчатые потолки терялись в полумраке, но весь зал заливал поток разноцветного света из гигантских витражных окон. Они тянулись от пола почти до потолка, и на них были изображены не просто узоры, а библейские сцены и фигуры ангелов в синих, багряных и золотых одеждах. Лучи солнца, проходя сквозь цветное стекло, отбрасывали на каменные плиты пола и на лица людей призрачные переливающиеся пятна — синие, красные, зеленые.

Стены были расписаны фресками. В куполе над алтарем парил седовласый Бог-Отец в окружении херувимов. На стенах боковых нефов сцены из жизни святого Франциска сменялись изображениями парящих ангелов с ликами, полными неземного спокойствия.

И в самом центре, в алтарной части, на возвышении стоял массивный крест из темного, почти черного дерева. На перекладине был распят Христос из слоновой кости, но сам крест был окрашен в яркий, пронзительный алый цвет. Он горел, как раскаленный уголь, притягивая взгляд и контрастируя с бледным телом Спасителя. Эта деталь была одновременно шокирующей и завораживающей.

Люди тихо рассаживались на темные деревянные скамьи лицом к алтарю. Шепот прихожан, приглушенные шаги, торжественная тишина — всё создавало непередаваемую атмосферу. Воздух был наполнен смесью воска, ладана и старого камня. В этом пространстве, залитом мистическим светом витражей, время словно замедляло ход. Казалось, сама вековая вера, заключенная в этих стенах, накладывала вето на суету внешнего мира. Я чувствовала, как под воздействием этого места моя тревога сменяется странным, почти физическим ощущением покоя и благоговения.

Пробравшись сквозь толпу, мы заметили на скамье в центре энергично машущую рукой Мартишу. Рядом с ней сидела Меган, которая, увидев нас, с облегчением улыбнулась. Мы пробились к ним, извиняясь, и устроились: мама рядом с Мартишей, я — рядом с Меган.

— Еле вас отвоевали, — прошептала мне Меган на ухо, пока мы усаживались.

Я кивнула в ответ, но моё внимание было уже приковано к убранству собора. Я откинула голову назад, словно пьянея от высоты сводов, и с нескрываемым восхищением принялась разглядывать фрески, на которых застыли в вечном полете прекрасные и строгие ангелы.

Меган заметила моё выражение лица и тихо, с понимающей улыбкой спросила:

— Первый раз в таком месте?

Я медленно перевела на нее взгляд и так же тихо ответила:

— Да... Раньше мне не доводилось бывать в подобных местах. Это завораживает.

В этот момент последние разговоры стихли, наступила полная, звенящая тишина. Все взгляды устремились к алтарю. Из боковой двери вышел отец Антонио.

Теперь, при ярком свете, я наконец смогла его как следует разглядеть. Вместо традиционного облачения на нем был элегантный черный костюм безупречного кроя, под которым виднелась темная водолазка. Единственными деталями, указывавшими на сан, были небольшая серебряная запонка на манжете и узкий белый воротничок-колоратка. Его лицо, обрамленное темными волосами, казалось удивительно молодым и гладким, а глаза цвета темного меда смотрели на паству с бездонным спокойствием. В его осанке и плавных движениях была какая-то неземная грация. Он действительно был очень красив, но его красота была холодной и отстраненной, как у бизнес-консультанта, готового прочесть лекцию о духовных инвестициях.

Отец Антонио поднял руки в широком приветственном жесте, и его голос — глубокий, бархатный — без усилия наполнил весь собор.

— Дорогие братья и сестры! — начал он, и его слова, казалось, вибрировали в самом воздухе. — Я рад приветствовать вас всех в этом святом месте, в День Господень. Вновь и вновь мы собираемся здесь, под этими сводами, чтобы вместе вознести наши молитвы, найти утешение и укрепиться в вере. В мире, полном суеты и сомнений, этот дом Божий остается нашей тихой гаванью, местом, где душа может обрести покой.

Он сделал небольшую паузу, обводя взглядом прихожан, и его взгляд на мгновение, казалось, задержался на мне. Может мне просто показалось?

— Сегодня я хочу обратиться к вам со словами надежды из Евангелия от Матфея, — продолжил он, и его голос зазвучал еще проникновеннее. — «Придите ко Мне, все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас». Эти слова Спасителя — не просто обещание, данное две тысячи лет назад. Это живое приглашение, обращенное к каждому из нас здесь и сейчас. Сколько тягот мы несем в своих сердцах? Сколько тревог отягощает наши души? Но Господь говорит: придите. Оставьте ваши ноши у подножия этого алтаря. Обретите благодать в смиренной молитве и надежде на Его безграничную милость. Ибо лишь в вере, истинной и глубокой, мы обретаем силы нести свой крест и видеть свет даже в самой густой тьме.

Его слова лились плавно и убедительно, окутывая слушателей, как дымка ладана. Люди вокруг внимали, затаив дыхание, а я, несмотря на все свои сомнения, чувствовала, как его речь проникает и в меня, рождая странную смесь скепсиса и невольного любопытства.

Служба длилась около полутора часов и завершилась под торжественные звуки органа. Люди начали подниматься со скамей, неспешно направляясь к выходу. Небольшая группа задержалась у алтаря, чтобы перемолвиться с отцом Антонио. Мы с матерью уже повернулись к дверям, когда Мартиша легким движением остановила нас.

— Подождите нас снаружи, у фонтана, — тихо попросила она, многозначительно кивнув в сторону священника. — Мы всего на минуточку.

Мы вышли на залитую солнцем площадь и устроились на скамейке у подножия мраморной статуи. Минут через пятнадцать Мартиша и Меган вышли из церкви. Лицо Мартиши сияло безмятежным счастьем, а Меган шла, едва касаясь ногами земли, и её глаза блестели, словно в них отражалось само небо.

— Ну вот, теперь можем идти, — объявила Мартиша, подходя к нам с видом человека, совершившего нечто очень важное.

Взрослые тут же зашагали вперед, погрузившись в оживленную беседу, а мы немного отстали.

— Ну и о чем вы там так долго толковали? — не удержалась я, глядя на сияющее лицо подруги. — Ты вся светишься, как тот витраж.

Меган сжала мою руку, понизив голос до доверительного шепота.

— Мама попросила отца Антонио исцелить бабушку Ирму.

Я остановилась как вкопанная.

— То есть как... «исцелить»? — в моём голосе прозвучало неподдельное изумление. — Он что, умеет лечить? Врачи же... — я запнулась, не желая произносить вслух жестокий приговор, который поставили медики.

— Он особенный священник, — с горячей убежденностью прошептала Меган. — У него есть дар. Все об этом знают. Я сама не все истории помню, но... миссис Хиггинс, у нее была последняя стадия рака, врачи отправили ее домой умирать. А после того как отец Антонио помолился над ней... она прожила еще пять лет и умерла от банальной простуды! А мистер Руфус, он после аварии не мог ходить, а теперь спокойно себе бегает по утрам! Говорят, он что-то тихо читает на латыни, возлагает руки... и происходит чудо. Или просто светит маленьким золотым крестом, и болезнь отступает.

— Но если он такой могущественный, почему он не исцелит всех подряд в больнице? — скептически поинтересовалась я, в голове у которой тут же выстроилась стена из логики и неверия.

— Он не может помочь всем, — с легкой грустью в голосе объяснила Меган. — Говорят, дар требует огромной силы духа. Или это должно быть угодно Богу. Не каждому дано принять такое чудо. Но он согласился помочь бабушке! Правда, он уезжает не на долго домой в Италию, но сказал, чтобы мы, подошли к нему с бабушкой, когда он приедет.

Пока Меган продолжала нестись на крыльях надежды, я погрузилась в пучину своих мыслей. Неужели это возможно? Читает на латыни, светит крестиком — и рак, этот безжалостный механизм, ломающий тела изнутри, вдруг отступает? Это звучало как красивая сказка для тех, кому больше не на что надеяться. Жизнь и смерть разве не подчиняются своим жестоким и неумолимым законам? Семя прорастает, цветок увядает, звезда затухает. Всё имеет свое начало и конец. Бабушка Ирма, её измученное тело — разве несколько слов, даже самых священных, и прикосновение рук могут переписать то, что уже вписано в саму плоть? Это было бы не чудом, а нарушением самого порядка вещей.

Я смотрела на улыбающуюся Меган, на её веру — такую хрупкую и такую сильную — и чувствовала, как в душе борются два чувства: жалость и раздражение. Мне до слез хотелось, чтобы эта сказка оказалась правдой — ради Меган, ради её бабушки, чтобы в этом жестоком мире существовало простое и красивое чудо. Но мой собственный здравый смысл язвительно шептал: чудес не бывает. «Латынь, золотой крестик... И это должно победить любую болезнь? Серьезно?» С горечью думала я. Это был не леденящий ужас, а горькое разочарование в человеческой способности цепляться за самые призрачные надежды, когда реальность слишком сурова. Вся эта история казалась мне отчаянной, почти детской игрой в спасение — такой же далекой от настоящей жизни, как библейские притчи на стенах церкви.

У дома Гловеров мама тепло попрощалась с Мартишей, договорившись о кофе. Меган, все еще сияя, обняла меня на прощание.

— Ну что, — сказала она, — увидимся завтра в школе. Не проспи!

— Постараюсь, — с улыбкой кивнула я, имы с мамой пошли дальше по своей улице.

Оставшийся вечер прошел спокойно. Вернувшись домой, я с неожиданным энтузиазмом принялась собирать рюкзак: аккуратно разложила новые учебники, положила пенал и блокнот, примерила рюкзак на плечо перед зеркалом. Потом устроилась на диване с телефоном, и мы с Меган обменялись парой сообщений — предвкушали завтрашний день и гадали, кто из учителей окажется самым строгим.

Когда пришло время ложиться спать, я подошла к окну, чтобы закрыть шторы. На секунду мои пальцы замедлили движение, взгляд невольно метнулся в сторону темного леса. Но я решительно дернула за шнур. Сегодня мне не хотелось искать в ночи таинственные силуэты и строить догадки. Не хотелось портить тот странный, но в целом добрый настрой, который подарил этот день.

Впереди был понедельник, новая школа, новые знакомства — настоящая, а не выдуманная жизнь. И пусть она была непредсказуемой, в ней было куда больше смысла, чем в суеверных страхах. Укрывшись одеялом, я закрыла глаза, прислушиваясь к тихому ночному шуму за окном, — и на сей раз в нем не было ничего, кроме обычного шелеста листьев.

ГЛАВА 4
Правила местной аристократии

Резкая, немилосердная трель будильника вырвала меня из глубокого сна. Рука сама потянулась к тумбочке, чтобы отключить надоедливый звук, но вместо раздражения я почувствовала странное щекочущее чувство в груди. Предвкушение. Сегодня начиналось что-то новое. Не просто очередной понедельник, а целая новая жизнь, пусть и насильно пересаженная в чужую почву.

Пока я лежала с закрытыми глазами, пытаясь прогнать остатки сна, телефон на тумбочке мягко вибрировал. Сообщение от Меган.

«С Днем Х! Не проспи! Расписание скинула тебе на почту. Выходи через 20 минут, буду у твоего дома. Не потерплю, чтобы ты в свой первый день плелась как серая мышь в одиночестве!»

Я улыбнулась. Энергия Меган была заразительной даже через экран. Я проверила почту — там действительно красовалось цветное расписание с её пометками: «Алгебра — береги нервы, миссис Клейборн злая, как голодный мангуст», «Физ-ра — наш спасительный островок».

С новым энтузиазмом я вскочила с кровати. Аккуратно разложила по рюкзаку учебники, тетради и новый пенал, который мама купила накануне. Потом настал черед самого важного — образа. После недолгих раздумий я надела темные джинсы и свободную рубашку в клетку — выглядеть стильно, но не так, будто я слишком стараюсь. А вот с волосами пришлось повозиться. Длинные светлые пряди никак не хотели лежать послушно. Я достала стайлер и, покусывая губу от концентрации, начала накручивать легкие волны. «Всего пять минуточек», — убеждала я себя, глядя на часы.

Когда последняя прядь была уложена, я с удовлетворением окинула себя взглядом в зеркало и… застыла в ужасе. С момента звонка будильника прошло не двадцать, а целых сорок минут!

— Черт! — выдохнула я и, схватив рюкзак, слетела вниз по лестнице, как ураган.

В прихожей меня уже ждала мама с тем выражением лица, которое я видела каждое утро на протяжении всех своих школьных лет в Новом Орлеане — смесь усталой любви и легкого раздражения.

— Как я вижу, ничего не изменилось, — сухо констатировала она, преграждая мне путь к двери. — Снова вскачь, сломя голову. — Она протянула тарелку с золотистой гренкой, щедро намазанной маслом. — Хоть это съешь. Нельзя же идти в новую школу с пустым желудком.

Я уже мысленно представляла, как Меган караулит меня под дверью, на ходу схватила гренку.

— Спасибо, мам! — бросила я через плечо, разворачиваясь к выходу.

— Рей! — голос матери остановил меня на пороге. — А кофе? Ты же знаешь, что к одиннадцати будешь клевать носом на уроке.

Я замерла, мысленно проклиная все на свете. Мама была права. С гренкой в одной руке и рюкзаком в другой я метнулась обратно на кухню, где на столе дымилась кружка с темным ароматным кофе. Схватив её, я залпом выпила почти кипящую жидкость, чувствуя, как обжигает горло.

— Всё! Бегу! — выдохнула я, ставя пустую кружку в раковину с таким грохотом, что та едва не треснула. И, не оглядываясь, выскочила за дверь, навстречу своему первому школьному дню.

Я прошла всего пару десятков метров, как увидела знакомую энергичную фигуру, быстро идущую мне навстречу и размахивающую рукой. Меган.

— Ну наконец-то! — крикнула она, подбегая и обнимая меня. — Я уже начала волноваться, что ты решила стать затворницей и объявила бойкот первому учебному дню. — Она отступила на шаг и с притворным восхищением окинула взглядом мою прическу. — Смотрю, укладка заняла прилично времени. Я думала, дойду прямо до твоего дома.

— Это не укладка, это акт гражданского неповиновения моим собственным волосам, — с ухмылкой парировала я, поправляя прядь. — Они хотели жить своей жизнью, а я настояла на своем. На это уходят силы и время.

Меган рассмеялась, и мы, наконец, двинулись в сторону школы. День был по-настоящему ясным и теплым, а легкий ветерок шевелил разноцветные листья на тротуаре. Настроение у меня было приподнятым — предвкушение нового и присутствие верной подруги делали свое дело.

Нашу недолгую идиллию нарушил низкий, рычащий звук мотора. Из-за поворота на главную улицу вырвался ослепительно-красный спортивный автомобиль с опущенными стеклами. Он промчался мимо нас с таким гулом, что, казалось, содрогнулся воздух. Из водительского окна высунулась рука и коротко, приветственно махнула, и вместе с этим машина попутно просигналила. Меган, почти не глядя, на автомате подняла руку и махнула в ответ удаляющемуся автомобилю.

Вскоре перед нами показалась школа. Справа от главного входа располагалась асфальтированная парковка, где было припарковано около восьми машин. Возле каждой из них кучковались ученики, создавая оживленную, гудящую атмосферу первого учебного дня. Мне, привыкшей к огромным, безликим школьным стоянкам, это зрелище было одновременно странным и милым — словно все были одной большой, хоть и разделенной на группки, семьей.

И тут мой взгляд упал на тот самый красный автомобиль. Он стоял поодаль, словно сознавая свое превосходство. На его капоте, развалившись, сидел тот самый парень с фотографии — голубоглазый блондин. Он что-то рассказывал собравшимся вокруг ребятам, но его взгляд скользнул по нам. Увидев Меган, он широко улыбнулся и помахал нам рукой.

Я на мгновение застыла, впечатленная этой картинкой. Он выглядел еще лучше, чем на фото — уверенным, солнечным, настоящей иконой школьной жизни.

— Мег, — прошептала я, не отрывая от него взгляда. — Это же тот самый красавчик с альбома.

— Он самый, — подтвердила Меган, и в её голосе прозвучала легкая снисходительность. Затем она решительно взяла меня за руку и потянула за собой к массивным входным дверям. — А теперь хватит глазеть. Знакомство с местной аристократией лучше начинать не с того, что ты стоишь столбом и пускаешь слюнки, как голодный щенок. Давай пройдём внутрь, пока не прозвенел звонок.

Переступив порог школы, я ощутила, будто физически ударилась о стену из звуков. Воздух в широком центральном коридоре не просто гудел — он вибрировал, дрожал от мощного, низкочастотного гула, сотканного из сотен переплетающихся голосов, взрывов смеха, визга и приветственных возгласов. Этот шум был плотным, почти осязаемым, как густой туман, наполняющий всё пространство от покрытого граффити потолка до блестящего линолеума на полу.

Коридор был забит. Ученики всех возрастов и мастей сновали во всех направлениях, создавая живой, бурлящий, почти хаотичный поток. Они сталкивались плечами, обнимались после летней разлуки, обменивались восторженными криками. Кто-то, сгорбившись под тяжестью рюкзака, набитого новенькими учебниками, отчаянно пытался пробиться к кабинету, его

лицо было искажено мукой предвкушения. Другие, прислонившись к стенам у рядов синих металлических шкафчиков, с выражением глубочайшей концентрации вчитывались в свои расписания, водя пальцами по строчкам.

Группы старшеклассников, уже чувствуя себя полноправными хозяевами этого пространства, занимали стратегические позиции, забаррикадировав собой целые участки коридора. Они разговаривали, не повышая голоса, но их уверенные, немного ленивые интонации легко прорезали общий гам. Они оценивающе оглядывали проходящих, их взгляды скользили по мне с мимолетным, почти незаметным интересом к новому лицу.

И сквозь этот живой, движущийся лабиринт из тел и рюкзаков, как ледокол сквозь арктические льды, медленно, но неуклонно продвигался учитель. Он был похож на островок спокойствия в эпицентре бури. Его руки были завалены целой башней папок, бумаг и каких-то коробок, угрожающе покачивающихся при каждом шаге. Он не кричал, не требовал дороги — он просто шёл, а бурлящий поток учеников инстинктивно расступался перед ним, чтобы тут же сомкнуться вновь. На его лице, обрамленном седеющими висками, читалось не раздражение, а нечто вроде стоического терпения, приобретенного за долгие годы подобных сентябрьских битв.

— Не стой на дороге, а то сметут! — крикнула Меган, снова хватая меня за руку и уверенно поволокла меня вдоль стены с бесконечными рядами синих шкафчиков.

Она остановилась у одного из них, достала из кармана ключ на синем брелоке, одним точным движением вставила его в замочную скважину, повернула — и дверца с глухим металлическим щелчком распахнулась. Меган одним движением швырнула внутрь свой рюкзак, выхватила оттуда пару тетрадей и ручку и захлопнула дверцу. Весь процесс занял секунды три. Я всё это время стояла в ступоре, наблюдая за этой отлаженной процедурой, и чувствовала себя инопланетянкой, изучающей странные земные ритуалы.

И тут глаза Меган расширились в ужасе.

— О БОЖЕ! — воскликнула она, хлопнув себя по лбу. — Я совсем забыла! У тебя же нет ключа от шкафчика!

Не дав мне и рта раскрыть, она снова вцепилась мне в руку и потащила обратно, против течения, по тому же самому бурлящему коридору. На ходу она, задыхаясь, пыталась объяснить:

— Бежим к миссис Харпер! Секретарь! Её кабинет — напротив спортзала! Она выдает ключи новеньким! Быстрее, у нас минута!

Мы неслись, извиваясь между группами учеников, Меган кричала: «Берегись!», «Пропустите!». Секундомер в моей голове отсчитывал последние секунды до звонка. Наконец, Меган резко затормозила перед дверью с табличкой «Администрация».

— Так, — выдохнула она, переводя дух и указывая на дверь. — Заходишь, здороваешься, говоришь, что новенькая, и просишь ключ от шкафчика. Всё просто!

У меня перехватило дыхание, и я не успела даже кивнуть, как Меган уже постучала в дверь, тут же резко её распахнула, буквально впихнула меня внутрь и, поддав паники в глазах, тут же захлопнула дверь с другой стороны. Я оказалась в небольшом, ярко освещенном кабинете, упершись взглядом в строгий взгляд женщины лет пятидесяти за компьютером. На столе царил идеальный порядок, а в воздухе витал запах кофе и принтера.

— Я... я новенькая, — выдавила я, чувствуя, как горит все лицо. — Мне бы ключ от шкафчика, пожалуйста.

Спустя пару минут я вышла из кабинета, размахивая заветным ключом на синем брелоке прямо перед носом Меган.

— Получила! — торжествующе объявила я.

Меган выхватила ключ, чтобы посмотреть номер. Ее лицо, секунду назад выражавшее облегчение, вдруг исказилось гримасой легкого раздражения.

— Сто двадцать четвертый... — протянула она, закатывая глаза. — Блеск! Просто замечательно, твой сосед по шкафчику Ричи.

Мы пробились через толпу к шкафчику 124. Рядом, под номером 125, располагался его сосед. И с ним явно было что-то не так. Вместо одной замочной скважины на дверце красовались четыре разных замка: маленький кодовый, почтовый замочек с ключиком, мощный висячий замок и даже какая-то хитроумная механическая защелка. Выглядело это так, будто внутри хранились либо государственные секреты, либо сам владелец был параноиком.

Пока я открывала свой скромный шкафчик, перекладывала вещи и размышляла о странном соседе, из гущи коридора донесся знакомый крик:

— Эй, Пухляш!

Меган сгорбилась, как будто пытаясь стать невидимой.

— О Боже, — простонала она. — Помяни черта...

К нам, ловко лавируя между учениками, подбежал Ричи. Его рюкзак болтался на одном плече, а в глазах плясали озорные искорки. Его взгляд скользнул по мне с ног до головы — быстрый, оценивающий, как сканер.

— Какие прекрасные люди завелись в нашем городке, — прокомментировал он, ухмыляясь.

Я уже собравшаяся представиться, открыла рот, но Ричи тут же меня перебил, подняв палец вверх.

— Постой, дай угадаю. Ты переехала из большого города — Нью-Йорк? Чикаго? Нет... что-то более хаотичное. — Он прищурился, делая вид, что вглядывается в невидимую ауру. — Ага. Новый Орлеан. Чувствуется легкий налет вечного карнавала и отчаяния. Твоя одежда кричит «не смотри на меня», но прическа говорит «посмотрите все, только сделайте вид, что это было не специально». В рюкзаке лежит блокнот для стихов, которые ты никому не покажешь, а в плейлисте преобладает мрачный инди-рок. — Он сделал паузу, и его взгляд стал чуть более пристальным. — А еще... я думаю, что у тебя проблемы в семье. Не катастрофа, а тихая, постоянная тревога. Отсюда и этот взгляд — «я со всем справлюсь сама, но, черт, как же это утомительно».

Я застыла с широко раскрытыми глазами, чувствуя себя абсолютно обнаженной, словно он только что заглянул прямо в мою душу и зачитал оттуда вслух мой личный дневник.

— Обалдеть... — наконец выдохнула я. — Ты что, экстрасенс?

Ричи фыркнул и гордо поднял подбородок.

— Нет. Я просто гений. Мег, подтверди.

— Он зануда, который слишком много смотрит детективов, — вздохнула Меган, но в ее голосе слышалась привычная снисходительность. — Но да, обычно он чертовски точен.

Оглушительный, пронзительный звонок прервал шум в коридоре, и тут же началась вторая волна хаоса — теперь уже спешащих на уроки. Меган и Ричи, как по команде, рванули к лестнице. Я, недолго думая, бросилась за ними.

Мы влетели на второй этаж и замерли перед одной из аудиторий. Я, запыхавшись, взглянула на табличку на двери и нахмурилась. Это был кабинет биологии.

— Стойте, — выдохнула я, сверяясь с расписанием в телефоне. — Разве у нас сейчас не английский? Мы же должны быть в кабинете 203.

Меган хитрро ухмыльнулась и бросила многозначительный взгляд на Ричи.

— О, это интересная история. Ричи тебе обязательно её расскажет. Да? — протянула она с притворной сладостью в голосе. Ричи, не отводя глаз от Меган, передразнил ее улыбку.

— Да-а-а, — медленно и с наслаждением ответил он.

В этот момент Меган, все так же не отрывая от него ядовитого взгляда, резко постучала в дверь, дёрнула за ручку и толкнула Ричи прямо в открывшийся проём.

— Ой, — флегматично бросил он, едва удержав равновесие, и поднял руку в извиняющем жесте, обращаясь к молодой учительнице в ярком сари, стоявшей у доски. — Извините, мисс Шарма, по дороге попутчиков подобрал. Пришлось объезжать «пробки».

Он не глядя махнул рукой в нашу сторону, давая понять, что мы вместе. Мисс Шарма, кажется, была не слишком удивлена. Она лишь вздохнула и кивнула в сторону свободных парт.

— Быстро занимайте места. И в следующий раз, Ричи, выбирай маршрут без таких живописных объектов.

Меган, проходя мимо, схватила меня за рукав и прошипела:

— Садись со мной. А эту «интересную историю» он тебе расскажет на перемене. Без лишних свидетелей.

Урок английского оказался посвящен разбору «Великого Гэтсби» Фицджеральда. Я, привыкшая к более динамичной программе, с трудом скрывала зевоту, пока мисс Шарма у доски разбирала символизм зеленого огонька. Солнечный луч, падающий из окна, вдруг выхватил из полумрака движение её руки, и я заметила, что из-под спадающего рукава блузки на запястье преподавательницы выглядывают изящные, тонкие узоры — темно-синие, почти черные татуировки, напоминавшие замысловатые мандалы.

— Она что, вся в татуировках? — не удержалась я, наклонившись к Меган. Та оживилась, получив долгожданный повод отвлечься от Гэтсби.

— Ага, — с воодушевлением начала она, забыв о шепоте. — Она буддистка, приехала из Дели. Ей двадцать восемь, она супермилая и совсем не строгая. И не замужем, — добавила Меган с таким значащим видом, будто это было самым важным обстоятельством. Голос её с каждой фразой становился всё громче. — В церковь она, естественно, не ходит. Говорят, у неё дома целый алтарь…

— Девочки, — мягко, но твердо прозвучал голос мисс Шармы. Она, не отворачиваясь от доски, продолжила писать. — Если ваша дискуссия о символизме в американской литературе требует такого пыла, я не против. Но давайте сохраним его для общего обсуждения.

Мы мгновенно замолчали, уткнувшись в учебники. Оставшееся время урока пролетело быстро, и в качестве домашнего задания мисс Шарма велела написать эссе на тему «Великий Гэтсби как трагедия американской мечты».

Собрав вещи, мы направились в кабинет 215 на историю. Нас встретил пожилой мужчина, мистер Доббс, который, казалось, был ровесником преподаваемого им предмета. Он был одет в поношенный твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях, а его голос был монотонным и глуховатым, будто доносящимся из-под толщи вековой пыли. Меган тут же прошептала мне, что он преподаёт здесь уже сорок лет и знает историю Кассиора лучше, чем собственную биографию.

Он рассказывал о причинах Гражданской войны в США с таким видом, будто сам присутствовал при всех этих событиях и откровенно скучал, пересказывая их в очередной раз. Его монотонный голос действовал усыпляюще. Я уже начала подумывать, не стоит ли мне незаметно проверить ленту в телефоне, как вдруг мне в голову, а затем на парту, с легким шуршанием приземлился маленький, туго скомканный бумажный шарик.

Я вздрогнула и подняла глаза, пытаясь определить траекторию полета. Мой взгляд уперся в затылок с аккуратно подстриженными белокурыми волосами на первой парте. Парень медленно, почти небрежно, обернулся. Это был Итан Моррисон. Поймав мой взгляд, он быстро подмигнул и так же плавно развернулся обратно к мистеру Доббсу.

Я развернула бумажку. Внутри аккуратным, наклонным почерком было написано: «Придете посмотреть отборочные?»

Меган придвинулась ближе ко мне, прочитала, и хитро ухмыльнулась.

— Ага, первый день, а он уже подкатывает к новенькой. Ну что, пойдем? Командные отборочные — это главное шоу начала осени.

Я кивнула, пытаясь сохранять равнодушное выражение лица, но внутри у меня все екало от любопытства. Меган выхватила у меня записку, снова смяла в тугой шарик и метким броском отправила его в спину Итана. Тот обернулся, и Меган громко прошептала:

— Мы придем!

Парень одарил нас такой ослепительной улыбкой, что у меня на мгновение перехватило дыхание, после чего он снова повернулся к доске.

Прозвенел звонок на долгожданную длинную перемену. Едва мы вышли в коридор, как к нам подскочил Ричи и ловко втиснулся между мной и Мег, закинув руки на наши плечи.

— Ну что, Мег, покажем… эм, — он резко замолк, уставившись на меня. — Я только сейчас понял, что не знаю, как тебя зовут.

— Рейчел. — Я рассмеялась. — Но для моих новых лучших друзей можно просто Рей.

— Отлично! — оживился Ричи. — Так вот, Рей, Мег и я сейчас проведем для тебя экскурсию в наше элитное заведение под открытым небом. Гораздо лучше, чем эта душная столовая.

По дороге мы действительно заскочили в столовую, схватили по сэндвичу, а затем вышли из школы и направились к дальнему концу парковки. Там, в тени раскидистого старого дуба, стояла его машина — потрепанный оранжевый пикап с открытым багажником.

Ричи с театральным, чуть преувеличенным жестом распахнул дверцу багажника, жестом приглашая нас внутрь.

— Прошу в наш салон, леди!

Я заглянула внутрь и ахнула. На дне багажника лежали две мягкие подушки и сложенный плед в клетку.

— Ого, — выдохнула я. — Это очень атмосферно.

Я достала телефон и быстренько сфотографировала Меган, которая уже устроилась на подушках, разворачивая свой сэндвич. Та с удовольствием позировала, показывая пальцами «V».

Мы устроились поудобнее и принялись за еду. Через мгновение к нам присоединился Ричи, снова усевшись между нами, как будто так и было заведено.

— Ну что, Рей, — начал он, откусывая свой бутерброд. — Раскрывай карты. Как тебя занесло в нашу глушь? Чем дышала в большом городе? И главное — почему именно Кассиор? Здесь даже асфальт в некоторых местах заканчивается.

— Мы переехали из Нового Орлеана, — начала я, тщательно подбирая слова. — Там осталась вся моя прежняя жизнь — школа, друзья, любимые места. Даже привычный шум за окном был другим. — Я помолчала, глядя на свой сэндвич. — Переезд был… внезапным. Так сложились обстоятельства, пришлось всё быстро продать, собрать чемоданы и искать новый дом. Мама говорила, что нужно начинать с чистого листа, где нас никто не знает. А тут… — я обвела взглядом парковку и школу, — тут как раз пустовал дом моей бабушки. Мама провела здесь всё детство, так что для неё это в каком-то смысле возвращение.

— Постой, что? — перебил меня Ричи, его брови поползли вверх. — Бабушка? А твоя фамилия, случаем, не Роквуд?

— Да, — подтвердила я, удивленная его реакцией.

— Дошло наконец-то!? — Меган, с набитым ртом, с торжеством посмотрела на Ричи.

— Ничего себе, — прошептал Ричи, смотря на меня так, будто видел впервые. — Земля и правда круглая. Кто бы мог подумать, что дочь Салли Роквуд будет сидеть в моём багажнике.

— Ты знаешь мою маму? — Теперь настала моя очередь удивленно раскрыть рот.

— Знаю? — рассмеялся Ричи. — Да они с моим отцом и матерью Меган в школе неразлучными друзьями были! У меня дома даже есть их общая фотография, где они втроем сидят на крыше этого самого фургона, только он тогда был синим. Наследство, так сказать.

— Тогда… предлагаю взять это за новую традицию. — по моему лицу расплылась теплая улыбка. — Нам тоже надо так сфоткаться. — я снова достала телефон. — Наследство для будущих поколений.

Меган, просканировав окрестности, подозвала проходившего мимо ученика, чуть по младше.

— Эй, мальчик! Поможешь нам? Сфоткаешь, пожалуйста?

Мальчик, немного смутившись, взял протянутый ему телефон. Я, Меган и Ричи плотнее прижались друг к другу в багажнике, улыбаясь в камеру, пока незнакомец запечатлевал начало нашей собственной дружбы, стоявшей на плечах дружбы наших родителей.

Мы просидели в уютном багажнике всю перемену, и за это время я успела узнать одну из самых ярких местных легенд, связанных с моим новым другом. Оказалось, что печально известная история с кабинетом английского, который теперь располагался в кабинете биологии, была целиком и полностью делом рук Ричи. Год назад, увлекшись рискованным химическим экспериментом из интернета, он решил продемонстрировать его в одиночестве после уроков, выбрав для этого пустующий кабинет английской литературы как наиболее безопасное, по его мнению, место. Эксперимент по созданию «холодного огня» с использованием обычной бытовой химии пошел не по плану. Вместо эффектного, но контролируемого пламени реакция вышла из-под контроля, и едкий дым, больше похожий на облако ядовитого тумана, быстро заполнил всё помещение. Он не нанес структурного ущерба зданию, но въелся в книги, шторы, ковровое покрытие и даже в штукатурку настолько прочно, что стойкий запах гари и химии не выветривался неделями, несмотря на все усилия уборщиц и специальных служб. В итоге кабинет пришлось полностью очищать от всего содержимого и делать капитальный ремонт, а на Ричи наложили строжайшее взыскание и обязали его родителей возместить ущерб. С тех пор за ним прочно закрепилась слава местного «ученого-безумца», а кабинет английского надолго стал предметом школьных анекдотов.

Когда прозвенел звонок, мы собрали свои вещи и нехотя поплелись на следующий урок, которым оказалась химия. Ирония судьбы, подумала я, что сейчас мы шли на тот самый предмет, который и стал причиной изгнания английского языка из его законной обители.

Однако, усевшись за лабораторный стол и открыв учебник, я с удивлением, а затем и с легким разочарованием обнаружила, что материал, который мы начинали проходить, был мне знаком до мелочей. Мы разбирали основы стехиометрии и молярные массы — темы, которые я щёлкала как орешки ещё в прошлом году в своей старой школе. Учитель, мистер Хендерсон, говорил медленно и обстоятельно, словно объясняя что-то очень сложное самым отстающим ученикам. Он по слогам произносил термины и по несколько раз повторял простейшие формулы. Окружающие меня одноклассники сосредоточенно конспектировали его слова, а некоторые с трудом успевали за его неспешной поддиктовкой.

Впервые за этот долгий и насыщенный день я почувствовала не тревогу или любопытство, а странное, почти скучающее спокойствие. Я смотрела в окно, где качались на ветру ветки клёна, и в моей голове начала вызревать новая, неожиданная мысль. Если программа здесь настолько упрощена по сравнению с тем, к чему я привыкла, то, возможно, учёба в Кассиоре не будет для меня тем испытанием, каким она была раньше. В моей старой школе мне приходилось буквально бороться за каждую хорошую оценку, высиживать долгие часы над сложными задачами, чтобы просто оставаться в середине рейтинга. А здесь я с первого взгляда понимала всё, что писал на доске учитель. Возможно, эта вынужденная ссылка в провинциальную глушь откроет для меня новую академическую перспективу. Впервые у меня мог появиться реальный шанс не просто быть середнячком, а блистать. Мысль о том, что я могу стать одной из лучших учениц в классе, а может, и в школе, показалась мне странно приятной. Это была бы маленькая, но такая важная для моей самооценки победа.

Урок химии пролетел незаметно, унесённый потоком моих мыслей. Когда прозвенел звонок, мы с Меган, подгоняемые инстинктом, поспешили на последний урок — физкультуру. Мы уже почти добежали до спортзала, как у меня в голове что-то щёлкнуло, и я резко остановилась, хлопнув себя по лбу.

— Вот блин, — выдохнула я с досадой. — Я забыла взять форму. Она у меня в шкафчике осталась.

Меган лишь беспечно махнула рукой.

— Расслабься, она тебе не нужна. Видишь ли, — начала она с довольным видом, пока мы подходили к раздевалкам, — наш физрук, мистер О'Мэлли, — тот еще экземпляр. Ему под семьдесят, и его главная цель — чтобы его оставили в покое. Так что девочки могут спокойно отсиживаться на трибунах и смотреть, как мальчики бегают с мячиком. — Она, видимо, заметила мой намечающийся вопрос о четвертных оценках и поспешила его опередить: — Оценку можно получить тремя способами. Первый — написать нудный доклад по истории какого-нибудь вида спорта. Второй — сыграть с ним в шахматы и выиграть, что почти нереально. И третий…

В этот момент мы зашли в женскую раздевалку, и её слова замерли в воздухе. Нас встретило зрелище нескольких девушек, переодевающихся в короткие юбки и майки с буквой «К» — форму черлидерш. Прежде чем Меган успела закончить, наше присутствие заметила высокая, стройная блондинка с идеально уложенными волосами. Её холодные глаза сузились.

— Эй, вы! — резко крикнула она, указывая на нас пальцем с безупречным маникюром. — Мы вообще-то переодеваемся! Быстро заходите и закрывайте дверь, с коридора дует!

Меган, не споря, молча толкнула тяжелую дверь, та захлопнулась с глухим стуком. Затем она развернулась на каблуках и сразу же направилась обратно, к выходу, ведущему на трибуны.

— Нам там делать нечего, — уверенно заявила она мне. — Поверь мне, это то ещё змеиное логово. Нет, если, конечно, у тебя к этому особая страсть, ты можешь попробовать. Но Хлоя, — она кивнула в сторону двери, за которой осталась блондинка, — вряд ли будет счастлива видеть новенькую у себя в команде.

Я, всё ещё находясь под впечатлением от ледяного приёма, фыркнула.

— Дай угадаю, — сказала я. — Это та самая высокая выдра, что орала на нас?

— Она самая, — подтвердила Меган, открывая дверь на трибуны. — А ещё она сестра того самого Итана, который пригласил нас на отборочные. Добро пожаловать в старшую школу Кассиора, где все друг с другом в той или иной степени связаны.

Мы вышли на трибуны, и перед нами открылась классическая картина школьной жизни. На ухоженном зеленом поле с разметкой сновали десятки парней в фирменной форме школьной команды — майках с номерами и защитных шлемах в руках. Они перебрасывались мячом для регби, и я мысленно отметила: «Классика». На противоположной стороне поля тренер, краснолицый и громогласный, размахивал руками, выкрикивая что-то неразборчивое, но явно гневное, в сторону группы игроков, неверно выстроившихся для упражнения. Чуть поодаль, на отдельном участке газона, синхронно тянулись и разминались черлидерши в своих ярких униформах, их движения были отточенными и грациозными, а лица выражали сосредоточенность.

Чтобы лучше всё разглядеть, Меган потянула меня за рукав вниз, на несколько рядов поближе. Устроившись поудобнее на прохладных деревянных скамьях, она принялась шёпотом комментировать происходящее, указывая пальцем то на одного, то на другого игрока. Мег рассказывала, кто из них звезда, кто вечно ошибается, а кто просто занимает место.

— Вон тот, — она ткнула пальцем в сторону высокого блондина, ловко увернувшегося от захвата. — Номер пятый. Итан. А вон того, седьмого, я не знаю. Раньше под этим номером играл Билл.

— Тот самый, который пропал? — уточнила я, прищурившись, чтобы лучше разглядеть нового игрока.

Меган лишь кивнула в ответ, и на ее лице на мгновение мелькнула тень. Я, наблюдая за напряженной игрой, спросила:

— И что, они просто играют, и все? Без особой цели?

— Конкретно сейчас, по итогам этой игры, они выберут три или четыре человека из нашего и параллельного класса, которые пройдут в основную команду в этом году, — объяснила Меган.

В этот момент позади нас раздался знакомый голос.

— Не нужно быть гением, чтобы понять, что новичков опять не возьмут.

Мы обернулись и увидели Ричи, который с невозмутимым видом протягивал нам два бумажных стаканчика с розоватым коктейлем.

— Держите, леди. Освежающий пунш, специально для зрительниц.

— Он прав. — Меган, с благодарностью взяв стаканчик, кивнула в сторону поля. — Итан третий год подряд капитан команды. Его место непоколебимо.

— Хорошо, что Торна тут нет. С ним команда выглядела как инвалидная. — Фыркнул Ричи, присев на скамейку позади них.

Меган резко повернулась к нему, и ее лицо омрачилось.

— Не говори так, — ее голос прозвучал резко, почти сердито. — В прошлом году он играл... неплохо. Он очень старался.

— О чем это вы? — я, чувствуя напряжение, перевела разговор.

Меган, все еще с неодобрением поглядывая на Ричи, вздохнула и объяснила:

— Билл был защитником. И, честно говоря, весьма посредственным. Он попал в команду не талантом, а невероятным упорством. Итан, как капитан, часто его подкалывал перед матчами, пытаясь заставить играть лучше. Но это не всегда помогало. — Она замолчала, глядя на поле. — А как-то раз они очень здорово подрались. Кажется, это было прямо перед самыми летними каникулами.

Я медленно перевела взгляд с Меган на Итана на поле, и в моих глазах вспыхнул огонёк догадки. Я многозначительно посмотрела на подругу, не произнося ни слова. Меган, прочитав этот взгляд, покачала головой, её выражение лица стало серьёзным.

— Нет, Рей, — твердо сказала она. — Я знаю, о чём ты думаешь. Но забудь. Не забывай, мой отец — шериф. Итана проверяли. У него железное алиби на весь тот день, когда Билл пропал.

Так мы и просидели весь урок, попивая сладкие коктейли, перебрасываясь шутками и время от времени поглядывая на игру. Я наблюдала, как Итан двигается по полю — стремительно, почти грациозно, его действия были выверенными и эффективными. «Он и вправду талантлив, — подумала я. — С таким упорством и данными ему прямая дорога в какой-нибудь университет с сильной спортивной программой… Например, в Алабамский университет. „Багровый прилив“ как раз бы его принял с распростёртыми объятиями. Его точно ждёт блестящее будущее, полное побед и славы».

Когда прозвенел звонок, возвещающий об окончании учебного дня, поле мгновенно оживилось. Игроки, обливаясь потом, стали собираться вокруг тренера. Как и предсказывал Ричи, капитанская повязка снова оказалась на Итане. Тот, сияя от счастья и гордости, принимал поздравления товарищей по команде.

Ричи лениво поднялся со скамейки, взметнул свой вечно болтающийся рюкзак на плечо и развёл руками в фальшивом сожалении.

— Извините, дамы, сегодня не смогу вас подвезти. У меня стрельба.

— Ого, тут есть кружок по стрельбе? — я удивлённо подняла бровь.

— А как же, — кивнул Ричи, и в его глазах мелькнул знакомый огонёк задора. — Тишина, концентрация, точность… Должен сказать, это куда интереснее, чем, как все остальные, бегать за куском кожи. И несравненно менее травмоопасно для моего драгоценного здоровья, —

добавил он, с комичной важностью постучав себя по виску. — Здесь главное — голова, а не мускулы.

Он повернулся и, небрежно помахав нам на прощание, зашагал к выходу, быстро растворившись в толпе учеников, хлынувшей в главный коридор.

Едва он скрылся из виду, как Меган снова схватила меня за руку, ее лицо внезапно стало деловым.

— Отлично, что он нас покинул. Сейчас самое подходящее время, пока все еще в раздевалках или разъезжаются. Быстрее!

Не дав мне опомниться, Меган потащила меня за собой, лавируя в теперь уже редеющем потоке учеников.

— Лучше сейчас пойти и взять темы для доклада, пока всё не разобрали, — пояснила она, сворачивая в тихий боковой коридор.

Мы остановились у двери с табличкой «Тренерский штаб». Меган постучала и, не дожидаясь ответа, толкнула дверь.

Комната, в которую мы вошли, была настоящим святилищем спортивной славы Кассиорской школы. Небольшое помещение было заставлено стеллажами и завешано стендами, ломящимися от наград. На полках в идеальном порядке стояли кубки и статуэтки всех размеров — от скромных пластиковых до массивных хрустальных, поблескивающих в свете люминесцентных ламп. Стены были плотно увешаны фотографиями команд разных лет, от чёрно-белых снимков с серьёзными парнями в старомодной форме до ярких цветных фото последних лет. На некоторых снимках молодые лица улыбались, обнимая друг друга, на других — были сосредоточенны и суровы. Повсюду виднелись выцветшие вымпелы, ленты чемпионов конференции и таблички с датами и именами. Воздух в комнате был спёртым и пах старой бумагой, полиролью и славой, которая с годами стала напоминать пыль.

Мы с Меган подошли к одному из столов, заваленному бумагами и спортивными журналами. За ним сидел пожилой мужчина, который, казалось, был такой же неотъемлемой частью этой комнаты, как и пыльные кубки на полках. Мистер О'Мэлли был грузным, с добродушным лицом, обрамленным густыми, седыми усами и такими же мохнатыми бровями, из-под которых на мир смотрели живые, лучистые глаза. Его голова была украшена лишь седым венчиком волос, тщательно зачёсанных с виска на висок в тщетной попытке скрыть лысину. Он что-то сосредоточенно выводил перьевой ручкой в толстой зачётной книге, и его пальцы, толстые и неуклюжие, казалось, с трудом удерживали изящный инструмент.

— Здравствуйте, мистер О'Мэлли, — звонко сказала Меган, нарушая тишину комнаты. — Мы пришли за докладами.

Учитель поднял голову, и его лицо тут же озарилось теплой, искренней улыбкой, от которой морщинки у глаз разбежались лучиками. Он отложил ручку.

— Ах, да, конечно, девочки, конечно! — его голос был хрипловатым и бархатистым, как старый диван. Он потянулся к ящику стола, с легким стоном наклонившись, и начал в нём копаться, перебирая стопки бумаг. Наконец, он извлёк большую картонную папку, потрепанную по краям, и принялся листать её содержимое, ворча себе под нос. — Так, так, доклады… Напомните-ка мне ваши имена, красавицы.

— Меган Гловер, — сразу отозвалась та.

— Рейчел Роквуд, — чуть с опозданием добавила я, отрывая взгляд от стены, усыпанной фотографиями. — Я новенькая.

— Роквуд... — учитель что-то пробормотал, найдя в журнале нужную страницу и сделав возле наших имен аккуратную галочку. — Добро пожаловать, Рейчел.

Пока он снова погрузился в изучение папки, я позволила глазам снова блуждать по стенам. Мой взгляд зацепился за большую цветную фотографию, висевшую прямо над столом мистера О'Мэлли. На ней была запечатлена футбольная команда, явно ликующая — на перед-

нем плане парни в грязной форме держали в руках серебряные медали. Внизу фломастером был выведен прошлогодний год. Я сразу узнала Итана в центре с сияющей улыбкой, угрюмого Билла, заметила ещё пару знакомых лиц с трибун. Но потом мой взгляд скользнул на край фотографии. Рядом с командой, с одной стороны, стоял, подперев рукой бок, сам мистер О'Мэлли и второй тренер, а с другой…

Я чуть не подавилась воздухом. Рядом с тренером, в своей безупречной тёмной одежде и с тем самым маленьким белым воротничком, с мягкой, одобрительной улыбкой стоял отец Антонио.

«Что он тут делает? — промелькнуло у меня в голове. — Он что, фанат регби? Не похоже… Может, он их духовный наставник? Типа, святой покровитель пасов вперёд и тачдаунов? Помогает им молиться перед матчем о здоровье коленей?» Мысль была настолько абсурдной, что я едва сдержала улыбку. «Или, может, он просто пришёл благословить их на победу? „Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа… тащите этого здоровяка с мячом!“» Я представила отца Антонио в сутане, раздающего стратегические указания на линии скамейки запасных, и мне стало ещё смешнее. Это было так нелепо и так… обыденно. Священник, который ходит на школьные футбольные матчи. В этом, конечно, не было ничего криминального, но сама эта картина — его ухоженная, почти неземная фигура в этой грубой, мужской, пропахшей потом и травой атмосфере — казалась мне дикой и до смешного неуместной.

Мы с Меган взяли из рук мистера О'Мэлли листки с темами, поблагодарили и вышли из тренерской, оставив старого учителя копаться в его бумагах. В коридоре мы наконец перевели дух.

— Целый месяц? — переспросила я, глядя на свою тему. — Это же просто подарок.

— Да уж, старина О'Мэлли никуда не торопится, — усмехнулась Меган.

Мы уже направлялись к выходу, как сзади донёсся громкий, радостный гам. Оборачиваясь, мы увидели группу парней, окружавших Итана. Те поздравляли его, хлопали по плечу, подбрасывали в воздух спортивную сумку — царило настоящее праздничное безумие по поводу его повторного избрания капитаном.

Мы уже собирались уйти, но Итан заметил нас. Он что-то крикнул своим товарищам, те с пониманием закивали, и он быстрыми шагами направился ко мне и Меган, оставив шумную толпу позади.

— Привет, Мег, — улыбнулся он, слегка запыхавшись. Затем его взгляд перешёл на меня. — Всё никак не было времени познакомиться с новенькой. — Он протянул мне руку. — Итан Моррисон.

— Рейчел Роквуд, — ответила я, пожимая его ладонь. Мою руку охватило тепло. — Поздравляю. Ты сегодня великолепно играл. Настоящий лидер команды.

— Спасибо. — Итан сиял от таких слов. — И, собственно, в связи с сегодняшним, скажем так, праздником...

— Очередным, — едва слышно вставила Меган, но Итан сделал вид, что не расслышал.

— ...я приглашаю вас к себе. Будет небольшая вечеринка, только круг близких знакомых. — он посмотрел прямо на меня. — Ты тоже приходи. Друг Меган — мой друг.

— Конечно! — переглянувшись ответили мы в унисон.

Мы вышли на залитую солнцем улицу, и Итан, понизив голос, начал:

— Может, вас под...

Но он не успел договорить. Словно вихрь, на него налетела высокая блондинка и повисла у него на шее.

— Молодчина, братец! Как всегда на высоте! — прокричала Хлоя, сжимая его в объятиях. Затем ее взгляд упал на нас, а точнее, на меня. Она медленно отпустила Итана и оценивающе оглядела меня с ног до головы. — А ты еще кто?

Я почувствовала, как по спине пробежали мурашки, но внешне осталась невозмутимой.

— Только сейчас заметила? — парировала я, глядя Хлое прямо в глаза. — Мы в одном классе учимся, если ты не в курсе.

— О, в курсе. — фыркнула она и её губы изогнулись в холодную улыбку. — Просто не ожидала, что Меган так быстро найдет себе... пополнение. — Она повернулась к брату, демонстративно беря его под руку. — Извини, Итан, но мы не можем подвозить попутчиков. Нужно готовиться к вечеринке. Увидимся, Мег. — И, не удостоив меня ни взглядом, ни словом на прощание, она потащила брата к сверкающей машине.

Итан на ходу обернулся и с немой гримасой извинения помахал нам рукой. Мы остались стоять на солнце, глядя, как красный спорткар с ревом уносит наш потенциальный транспорт и заносчивую блондинку.

— Милая девочка, — с сарказмом протянула я, глядя вслед удаляющейся машине.

Меган фыркнула, и через секунду мы обе уже смеялись, сбрасывая с себя напряжение от столкновения с Хлоей.

— Она всегда такая, — выдохнула Меган, вытирая слезу. — Не обращай внимания.

Оставшийся путь до дома Гловеров мы провели в лёгкой, непринуждённой болтовне. Меган показывала на соседские дома, рассказывая забавные или постыдные истории о их обитателях, а я ловила себя на мысли, что начинаю по-настоящему чувствовать ритм этого места. Вот дом, где живёт женщина, выращивающая самые крупные помидоры в округе, а вот гараж, где подростки однажды ночью пытались собрать мотоцикл и чуть не спалили его дотла.

У своего дома Меган остановилась.

— Ладно, я тогда зайду за тобой в восемь. Такие вечеринки у Моррисонов обычно в это время и начинаются.

— Хорошо, — кивнула я. — Тогда до вечера.

Мы тепло обнялись, и я пошла дальше, вверх по пологому склону улицы к своему дому. Воздух постепенно остывал, пахло вечерней сыростью и цветущим жасмином.

ГЛАВА 5

Поместье Моррисонов

Дома на пороге меня уже ждала мама с заботливой, но немного тревожной улыбкой.

— Ну, как первый день?

— Отлично, — ответила я, и к моему удивлению, это была не ложь. — Более чем. Я даже начинаю думать, что в этой школе у меня есть все шансы стать отличницей.

Поднявшись в свою комнату, я с наслаждением сбросила вещи, облачившись в старые мягкие спортивные штаны и футболку. Чувство облегчения было физическим. Спустившись в гостиную, я устроилась на диване напротив матери и принялась оживленно делиться впечатлениями. Я не пересказывала день поминутно, а выхватывала самые яркие моменты: просторную, похожую на собор библиотеку; эксцентричного учителя химии, чей кабинет до сих пор пахнет дымом после опыта моего нового друга Ричи; шумную суету в коридорах и то, как мы с Меган отсиживались на трибунах, наблюдая за футбольными отборами. Я описала Ричи — местного остряка и «ученого-безумца», чье появление всегда предвещало что-то интересное. Рассказала и о том, как нас чуть не снесла с ног толпа, а потом к нам подошел сам капитан команды.

— Кстати, о капитане, — вспомнила я. — Моррисоны позвали меня к себе сегодня на вечеринку. Небольшую, для близкого круга.

Мама подняла брови, явно удивленная.

— Моррисоны? Они до сих пор в городе? — она покачала головой, вспоминая что-то. — И как они? Их дети такие же снобы, какими они были в наши годы?

— Дочь — стопроцентно, — рассмеялась я. — А вот сын... Итан, кажется, полная ее противоположность. Душа компании, и, надо отдать ему должное, очень талантливый спортсмен. Все его поздравляли с избранием капитаном.

Мы просидели так до самого вечера. Я помогала матери готовить ужин — нарезала овощи для салата, пока она помешивала соус на плите. Мы болтали о пустяках, о том, какие полки нужно еще купить, и смеялись над забавными историями мамы о ее собственном школьном прошлом в этих стенах. Было тепло, уютно и по-домашнему спокойно.

Я уже накрывала на стол, когда мой взгляд упал на окно. За стеклом небо из синего стало глубоким лиловым, и в саду уже сгущались сумерки.

— Вот черт, — выдохнула я, застыв с тарелкой в руках. — Который час?

— Без пятнадцати семь, — ответила мама, заглянув на часы. — А что?

— У меня час, чтобы собраться! — крикнула я и, бросив тарелку на стол, пулей вылетела из кухни, взлетела по лестнице и скрылась в своей комнате, оставив мать с недоуменной улыбкой разливать суп по тарелкам.

Я в панике металась по комнате, вываливая содержимое шкафа на кровать. Мажоры... что надеть, чтобы не выглядеть провинциалкой, но и не перестараться? Взгляд упал на пару элегантных широких брюк из плотного шелковистого крепа. Они были идеального кроя, но их изюминкой были длинные, драматичные разрывы — не по бокам, а ровно по центру каждой штанины, начинавшиеся от середины бедра и раскрывавшиеся до самого низа, позволяя мелькать коже при ходьбе. Да, это было и стильно, и смело. Чтобы образ не стал слишком строгим, я надела под брюки соблазнительный черный шелковый корсет, красиво облегающий торс.

Затем я принялась за волосы. Быстрыми уверенными движениями я собрала свои светлые пряди в элегантную «мальвинку» — высокий пучок, из которого мягко ниспадали несколько оставленных прядей, обрамлявших лицо. Финальным штрихом стал огромный черный шелковый бант, который я закрепила у основания пучка, добавив образу театральности и шика. Покрутившись перед зеркалом, я осталась довольна. Получилось именно то, что я хотела — дерзко, модно и неуловимо сексуально.

В этот момент снизу доносились приглушенные голоса. Взяв маленькую сумочку и туфли на каблуках в руку, я спустилась вниз.

В гостиной меня ждала Меган, оживленно беседующая с моей мамой. Подруга выглядела потрясающе: на ней было короткое облегающее платье насыщенного изумрудного цвета, которое выгодно подчеркивало ее стройную фигуру, и туфли на шпильках. Ее темные волосы были уложены в идеальные волны.

— Вау, Мег, ты выглядишь обалденно! — выдохнула я с искренним восхищением. Затем мой взгляд метнулся к часам. — Мы опаздываем?

— Ни капли, — успокоила меня Меган, с улыбкой оглядывая мой наряд. — Как раз вовремя. Ты тоже просто огонь. Этот бант! — она одобрительно щелкнула пальцами.

— Ну, девочки, — с теплой улыбкой сказала мама, провожая нас до двери. — Отлично проводите время и... будьте осторожны.

— Не волнуйся, мам, — бросила я через плечо, уже переступая порог.

Дверь закрылась, и мы вышли на улицу, погруженную в мягкий желтый свет уличных фонарей. Ночь была теплой и полной обещаний.

Мы направились вверх по улице, наши каблуки отстукивали четкий ритм по асфальту. Меган шла, уткнувшись в телефон, с таким сосредоточенным выражением лица, будто решала судьбу вселенной.

— Кому это ты так строчишь? — не выдержала я.

— Ричи, — не отрываясь от экрана, ответила Меган. — Он должен был подобрать нас у твоего дома. Идти-то недалеко, но дом Моррисонов стоит особняком, дальше всех на нашей

улице. Дорога там ужасная, грунтовка, никакого асфальта. На этих каблуках, — она показала на свои шпильки, — мы туда точно не дойдем.

Мы прошли всего пару домов, как позади нас раздался оглушительный рев мотора. Мы обернулись и тут же ослепли от яркого света фар, направленного прямо на нас.

— А, вот и он, — с облегчением произнесла Меган.

Сделав пару шагов навстречу машине, она замерла. Ричи, видимо, решил пошутить — он резко вывернул руль в нашу сторону, словно намереваясь нас слегка «задавить». Мы с испуганным вскриком отпрыгнули на обочину. В салоне громко орала музыка, но даже сквозь стекло было видно, как Ричи безудержно смеется, его лицо светилось отличным настроением. Он опустил окно, и смех стал слышен отчетливей.

— Ха-ха, очень смешно, Ричи, — с упреком сказала Меган, пока музыка из открытого окна продолжала бить по ушам. — Немедленно сделай тише! Бабушки на районе уже спят!

Ричи, все еще хихикая, убавил громкость.

— Да ладно тебе, Пухляш, — проворчал он, выходя из машины, чтобы галантно открыть дверь пассажирам. Его взгляд упал на меня, и он свистнул. — Ого, Рей! Прекрасно выглядишь.

— Спасибо, — улыбнулась я, пробираясь на заднее сиденье следом за Меган.

Ричи запрыгнул обратно за руль, и Меган с притворной строгостью шлепнула его по плечу.

— Ну что, извозчик, трогай! Нас ждет вечеринка у местной аристократии.

Ричи усмехнулся, увидев перед собой прямой, ничем не загороженный участок улицы. Последние огни уютного центра Кассиора остались позади, и впереди, под слабым светом редких фонарей, тянулась гладкая темная лента асфальта, уводящая в сторону леса. В его глазах вспыхнул тот самый озорной огонек, который заставляет парней совершать глупости.

— Ну что, девочки, пристегнулись? — бросил он через плечо, и прежде чем кто-либо успел ответить, он вдавил педаль газа в пол.

Двигатель взревел, и старый пикап рванул вперед с таким рывком, что мы с Меган разом врезались в спинки своих сидений. За окном темные силуэты спящих домов поплыли в обратную сторону, сливаясь в сплошную размытую полосу.

— Ричи, перестань! — взвизгнула Меган, хватаясь за ручку над дверью. — Нам ехать от силы пять минут! Ты что, хочешь, чтобы Рейчел промчалась по городу с закрытыми глазами? Она же ничего не успеет разглядеть!

Но он уже не слушал. Его лицо в свете приборной панели было озарено сосредоточенной азартной ухмылкой. Асфальт под колесами был идеально ровным, и это лишь подстегивало его. Машина летела вперед, к черной стене леса, нависающей впереди. Я невольно вскрикнула и вцепилась в подлокотник, мои костяшки побелели.

— Да ты Шумахер! — вырвалось у меня, когда сердце отозвалось бешеным стуком в висках.

— Не говори ему такое! — тут же взвизгнула Меган, уже отчаянно тряся его за плечо. — Ты его только раззадоришь! Теперь он будет ехать ещё быстрее!

Ричи в ответ лишь громче засмеялся, его смех тонул в нарастающем реве мотора. Он видел в этом не опасность, а чистое веселье, испытание и для машины, и для собственных нервов. Я, оторвав взгляд от окна, увидела его лицо в зеркале заднего вида — глаза горят, на губах застыла широкая бесшабашная ухмылка. И в этом безумии было что-то заразительное. Через пару секунд мой испуганный вскрик сменился смехом — нервным, сдавленным, но настоящим. Мы неслись сквозь ночь, и на эти несколько секунд все наши проблемы остались где-то далеко позади, сметенные скоростью и ветром.

Так, под аккомпанемент завывания двигателя, пролетели мы эти пять минут, показавшиеся вечностью. И вот впереди, за очередным поворотом, асфальт внезапно оборвался, сменившись той самой ухабистой грунтовкой, о которой говорила Меган. Ричи сбавил газ, и

машина, подпрыгивая на колдобинах, начала медленный подъем на небольшую, поросшую аккуратно подстриженным газоном горку. И там, на вершине, возвышаясь над окрестностями как крепость, показался особняк Моррисонов. Не старинный замок с готическими шпилями, а современная, подчеркнуто дорогая крепость из стекла и темного дерева. Огни огромных окон отражались в гладкой поверхности какого-то водоема у его подножия, рассыпаясь тысячами золотых бликов.

Ричи сбавил скорость, и пикап, с облегчением вздохнув, свернул на узкую дорогу, выложенную идеально ровным серым щебнем. И тут я заметила разницу. Если в самом Кассиоре фонари были старыми, с тусклыми желтоватыми лампами, клонящимися к земле, то здесь по обеим сторонам дороги, словно стражники, выстроились изящные черные столбики. С них струился холодный белый невероятно яркий свет, который не столько освещал, сколько подчеркивал каждую деталь ландшафта: идеальную линию кустов, фактуру коры деревьев, гладь щебня. Ясно было — город к этому освещению не имел никакого отношения. Моррисоны купили и установили его сами, отгородив свой мир от остального не только забором, но и этим световым барьером.

Мы поехали дальше, и дорога поползла вверх, извиваясь плавной ленивой змеей. Справа, почти вплотную к щебню, подступал густой непроглядный лес. Его темнота под этими яркими лучами казалась еще более плотной и живой, будто лес с неодобрением взирал на эту человеческую вычурность. Слева же деревья редели, открывая вид на ухоженный парк, где в искусственно расставленных вазонах цвели поздние цветы, а вдалеке мерцала та самая гладь бассейна.

И вот наконец мы выехали на небольшую круглую площадку перед главным входом. Путь нам преградили огромные кованые массивные ворота. Они были выполнены в современном стиле, но их вес и монументальность не вызывали сомнений. Посередине, переплетаясь изящными, но уверенными линиями, сияла огромная стилизованная буква «М» — печать семьи, их герб, первое и безмолвное напоминание для каждого гостя о том, в чье владение он вступает.

Ричи резко затормозил, заставив щебень под колесами неприятно захрустеть. Заглушив ревущий двигатель, он, не вылезая из машины, распахнул дверь и буквально свесился наружу, изогнувшись так, будто собирался сделать мостик. Со стороны это зрелище выглядело одновременно нелепо и отчаянно — ему явно было лень совершать лишние движения и выходить из машины. Он дотянулся до небольшой стальной панели с кнопкой вызова и ткнул в нее указательным пальцем.

— Слушаю, — раздался из решётки динамика вежливый, но безличный голос.

— Это Ричард О'Нилл, — с напускной важностью провозгласил он. — Приехал на самую шумную вечеринку в честь нашего нового капитана.

Мы немного подождали. Тишина затягивалась.

— Что-то их новый дворецкий туго соображает, — проворчал Ричи, постукивая пальцами по рулю.

И тут раздался короткий высокий звуковой сигнал. Массивные кованые створки плавно, почти бесшумно поползли в стороны, открывая путь в частные владения. Ричи тронулся, и мы медленно въехали внутрь. Дорога здесь сменилась на идеально гладкую брусчатку, уложенную светлым камнем. Она огибала просторный круг, в центре которого бил небольшой, но изящный фонтан. Скульптура в виде отполированных до блеска бронзовых рыб, с которых стекала вода, была подсвечена снизу, создавая ощущение, что они парят в темноте.

Справа от подъездного пути раскинулся ухоженный сад. Даже в сгущающихся сумерках было видно, насколько он продуман: аккуратно подстриженные кусты самшита, образующие лабиринт, клумбы с пышными гортензиями, чьи тяжелые соцветия казались призрачными шарами в полумраке, и несколько изящных скамеек, расставленных в тени старых раскиди-

стых магнолий. Воздух был напоен их сладковатым пудровым ароматом, смешанным с запахом влажной земли после недавнего полива.

Слева же, за ровным газоном, который даже ночью отливал изумрудной зеленью, высился сам особняк. Он был современным — огромные панорамные окна от пола до потолка, словно гигантские витрины, выставляли напоказ всю внутреннюю жизнь дома. И это зрелище заставило меня замереть.

За стеклом, абсолютно беззвучно, словно в немом кино, разворачивалась настоящая тусовка. Десятки силуэтов двигались в полумраке, подсвеченные ритмичными вспышками разноцветных стробоскопов. Где-то в глубине мерцали огни диджейского пульта, а у противоположной стены пылал огромный камин, отбрасывая на танцующих длинные пляшущие тени. Было видно, как люди смеются, разговаривают, танцуют — картина была полной, живой и абсолютно безмолвной.

И тут я осознала: я не слышала ровно ничего. Ни глухого удара басов, ни гомона голосов, ни смеха. Идиллическую тишину нарушал лишь шелест листьев магнолии и нежное журчание фонтана. Звук не просачивался наружу вообще. Идеальная, пугающая своей дороговизной звукоизоляция.

— Ну, кажется, мы не одни такие умные, кто догадался не топать пешком по этой грязи, — проворчал Ричи, окидывая взглядом участок перед гаражом. Площадка была заставлена привычными школьными тачками, но свободное местечко всё же нашлось — в самом углу, куда уже явно боялись заезжать другие.

— Идеально для моего корвета, — с довольным видом сказал Ричи и лихо втиснул свою машину в узкий промежуток.

Мы вышли из машины, и по гравийной дорожке к нам немедленно направился высокий подтянутый мужчина в безупречно сидящем темном костюме. Его лысая голова была идеально гладкой, а движения — точными и экономными.

— Добрый вечер. Меня зовут Винсент, — произнес он с легким едва уловимым акцентом, вежливо склонив голову. — Пожалуйста, проследуйте за мной.

Он развернулся и пошел к дому таким ровным шагом, что, казалось, отмерял расстояние. Мы с Ричи, переглянувшись, последовали за ним.

Винсент распахнул тяжелую дверь, пропуская нас вперед, и на нас обрушилась стена звука. Грохочущие басы, смех, крики — все это слилось в один оглушительный гул, из-за которого на мгновение перехватило дыхание. Ритмичные вспышки стробоскопов резали глаза, выхватывая из полумрака десятки лиц. «Ну конечно, "близкий круг друзей", — мысленно фыркнула я, сдерживая улыбку. — Да здесь, кажется, вся школа собралась».

Мы шагнули внутрь, и хаос поглотил нас. Ричи почти сразу кого-то заметил в толпе, развернулся к нам и крикнул, стараясь перекрыть грохот музыки:

— Я к своим! Вам что-нибудь принести?

— Да, на твой вкус! — тут же отозвалась Меган. — Но чтобы красиво выглядело!

Ричи одобрительно подмигнул и растворился в мелькающей толпе, оставив меня и Меган на пороге этого гремящего безумия.

Моему взору предстала картина приятного безбашенного безумия. Прямо в центре зала два парня, красные от натуги, с грохотом фехтовали на импровизированных мечах, склеенных из пустых пивных банок. Осколки алюминия разлетались блестящими блестками под вспышками света. У стола, сколоченного, похоже, из пары дверей, шла азартная карточная игра, и по столу летали фишки. На широкой лестнице, ведущей на второй этаж, восседал самодельный диджей — парень в наушниках, яростно работавший с ноутбуком и небольшой панелью, откуда и лился оглушительный поток музыки. И повсюду, абсолютно везде, толпились, танцевали и кричали люди.

Именно там, у подножия лестницы, мы заметили Итана. Он стоял, весело болтая с компанией парней, но его взгляд сразу же нашел меня и Меган. Широко улыбнувшись, он тут же отделился от группы и направился к нам, легко лавируя в толпе. На его голове красовалась картонная корона, разукрашенная маркерами, а в руке он сжимал пластиковый стакан с каким-то ярко-синим напитком. По его лицу, раскрасневшемуся от счастья и, вероятно, чего-то покрепче лимонада, было видно — он наслаждается своим триумфом по полной.

Его взгляд скользнул по нам, но чуть дольше задержался на мне, а точнее на моей стройной фигуре, светных волнах волос, — и он с притворным ужасом отшатнулся.

— Боже, девочки, я вас даже обнять боюсь, — с пафосом провозгласил он, показывая руками на наши наряды. — Вы прям с иголочки! Измять боюсь.

Мы рассмеялись. Я, подыгрывая, кивнула на его головной убор:

— Я смотрю, тебя уже короновали. Принимай поздравления, ваше величество.

Итан с готовностью снял картонную корону и водрузил её на голову случайно проходящего мимо парня.

— А, это? — махнул он рукой. — Да у нас тут что-то вроде средневековой вечеринки получилось, — он показал взглядом на двух «рыцарей», которые как раз с грохотом сталкивались своими баночными мечами, вызывая одобрительные крики зрителей.

Мы снова залились смехом, и я почувствовала, как последние остатки скованности тают без следа. Здесь и сейчас не было места ничему, кроме этой энергии, смеха и симпатичного парня, смотрящего на меня так, будто я самая интересная загадка в этой комнате.

— Здесь, конечно, весело, — Итан обернулся к ним с обаятельной ухмылкой. — но чтобы услышать друг друга, нужно орать как сумасшедший. Пойдемте наверх, там поспокойнее.

Он ловко пустился вперед, прокладывая путь через мелькающие тела танцующих. Меган, подхваченная общим настроением, шла за ним, слегка пританцовывая в такт музыке и улыбаясь знакомым. Я следовала за ними, чувствуя, как сквозь пол вибрация басов отдается в моих костях.

Широкая лестница, на которой восседал диджей, вела на второй этаж. Поднявшись, мы попали в другой мир. Грохот музыки превратился в приглушенный далекий гул, а воздух стал прохладнее. Это была просторная уютная гостиная. Посередине стояли два массивных дивана с мягкими подушками, а между ними — низкий стеклянный кофейный столик. В углу комнаты, под светом абажура, располагался бильярдный стол, за которым трое парней с серьезными лицами вели свою игру.

Но главным украшением комнаты был камин. В его глубине весело потрескивали и пылали настоящие поленья, отбрасывая теплый живой свет на ближайшие кресла и на огромную расстеленную перед ним шкуру белого медведя. Голова зверя с острыми клыками и стеклянными глазами лежала на полу, создавая одновременно впечатление роскоши и легкой жути.

На двух кожаных креслах у камина расположились Хлоя и ее подруга. Еще одна девушка сидела на широком подлокотнике, свесив ногу. Они что-то оживленно обсуждали, их тихий смех был едва слышен. Но он оборвался в тот самый миг, когда их взгляды скользнули на входящих.

Улыбка медленно сошла с лица Хлои, сменившись холодной, отстранённой маской. «Видимо, она не надеялась, что я приеду», — мелькнуло у меня в голове.

Хлои резко поднялась, отряхнув невидимую пылинку с колена.

— Пойдёмте, девочки, — произнесла она своим подругам ледяным тоном.

Проходя мимо меня и Меган, она на секунду задержала на нас взгляд, и её губы изогнулись в едва заметную усмешку.

— Здесь стало слишком душно, — тихо, но отчётливо добавила она, бросая эту фразу прямо нам в лица.

И они вышли, громко захлопнув за собой дверь, оставив в комнате лёгкий запах дорогих духов и ощущение внезапно повисшего напряжения. Я повернулась к Итану с наигранно-сладкой улыбкой.

— Оу, — протянула я. — Она у тебя просто прелесть.

— Она... со всеми такая. — Итан смущённо вздохнул и провёл рукой по волосам. — Тяжёлый характер.

— Со всеми девушками, которые нравятся тебе, — уточнила Меган, подмигивая мне.

Мы подошли к диванам и устроились на одном, в то время как Итан опустился в кресло напротив.

— Стесняюсь спросить, — начала я, — Но в чём, собственно, дело между вами? Я, конечно, всего неделю здесь, но уже успела получить свою порцию ледяных взглядов.

Мы снова рассмеялась, но Итан отнёсся к вопросу серьёзно. Его улыбка стала мягче, почти грустной.

— Понимаете, это не то, что вы подумали. Всё гораздо проще и... сложнее одновременно. Наши родители всегда были поглощены бизнесом, бесконечными поездками. По сути, мы с Хлои росли одни в этих стенах. Няни, гувернёры, но не семья. Мы всегда были друг у друга. Я её защищал в школе, она всегда знала, как подбодрить меня, когда я падал духом. Мы были одним целым. — он сделал паузу, глядя на огонь в камине. — А теперь я стал старше. У меня появились друзья, команда, свои интересы. И ей кажется, что я её бросаю. Что каждая новая девушка в моей жизни — это ещё один гвоздь в крышку нашего «старого» мира. Она не влюблена в меня, нет. Она просто отчаянно боится остаться одной в этом большом, пустом доме. А Хлои, когда боится, всегда атакует. Вот и весь секрет.

Его слова повисли в воздухе, наполненные недетской грустью. Эту тишину резко разорвал звук распахивающейся двери. На пороге стоял Ричи, с двумя пёстрыми коктейлями в руках, с трудом удерживая равновесие.

— Ну наконец-то! — выдохнул он. — Я вас полчаса искал! Спросил у Хлои, где вы...

— И она сказала? — Меган удивлённо подняла брови.

— Нет, конечно, — фыркнул Ричи, подходя ближе. — Сказала, что понятия не имеет. Но она спускалась как раз со второго этажа с весьма кислым лицом, и я подумал, что нужно искать вас именно там.

Он протянул один из бокалов Меган, другой — мне, затем развернулся и с шумом плюхнулся на диван рядом с Итаном, положив ногу на колено и подняв свой стакан.

— Ну, капитан, поздравляю! Держи удар и всё такое!

Итан улыбнулся и чокнулся с ним своим стаканом. К ним присоединились и мы, тихий звон стекла стал точкой отсчёта для этой новой, тёплой компании.

В этот момент к нам подошёл один из парней, игравших в бильярд. По пути он снимал с указательного пальца массивное кольцо.

— Итан, на, подержи у себя, — протянул он ему кольцо. — Играть мешает.

Итан кивнул и забрал его. Движение привлекло внимание Ричи.

— Что это у тебя? — с интересом спросил он, взяв кольцо у Итана до того, как тот успел его убрать.

Он покрутил его в пальцах. Кольцо было широким, явно мужским, с большим тёмно-синим камнем и мелкой, почти неразборчивой гравировкой по ободку.

— Я думал, у всех вас красные кольца, как у тебя, — заметил Ричи, возвращая кольцо обратно. Итан снова забрал его и на этот раз сунул в карман джинсов.

— Красные — только у капитанов, — объяснил он, показывая свою собственную ладонь. На его безымянном пальце действительно красовалось похожее кольцо, но с крупным алым камнем. — Синие — у нападающих. А зелёные — у защитников.

— В первый раз о таком слышу, — включилась в разговор я. — Это какая-то общемировая практика команд?

— Нет, что ты! — Итан рассмеялся. — Это наши местные ребята придумали, ещё очень давно, лет двадцать назад. Такие кольца есть только у игроков Кассиорской школьной команды. Своего рода традиция. Отличительный знак.

После этого разговор потек легко и непринужденно. Мы просидели так, казалось, целую вечность, убаюканные потрескиванием поленьев в камине. Говорили обо всем на свете, но главным образом — о будущем, которое виделось таким туманным и в то же время близким. Итан с горящими глазами рассказывал о своем заветном желании — поступить в престижный спортивный колледж, единственной лазейкой в который была футбольная стипендия. Ричи, наоборот, и не думал никуда уезжать.

— Мой старик — лучший строитель в Кассиоре, — с гордостью говорил он, разминая пальцы, будто чувствуя в них тяжесть инструмента. — Без него тут ни один дом не обходится. Куда ж я денусь? Дело нужно продолжать.

Меган же, сверкая лакированными ногтями, с жаром живописала свою мечту — сбежать из этого «захолустья» в большой город, где она будет учиться на дизайнера.

— А ты, Рей — обратился ко мне Итан. — Куда ветер тебя понесет?

Я задумалась, и в голове у меня пронеслось: «Понятия не имею, кем хочу стать. Может быть, этот город сам мне подскажет...»

— Пока не решила, — честно ответила я, пожимая плечами. — Варианты есть. Может обратно в Новый Орлеан, а может тоже останусь здесь, кто знает.

Мы смеялись над глупыми шутками, спорили о музыке и фильмах, и я ловила себя на мысли, как легко и непринужденно мне в этой компании. Всего пара дней в Кассиоре, а эти ребята уже успели стать для меня по-настоящему ценными товарищами.

Когда народ внизу начал потихоньку расходиться, мы спустились в почти опустевший зал. Музыка сменилась на медленные меланхоличные треки, и в полумраке кружились несколько оставшихся пар. Ричи, поймав взгляд Меган, с преувеличенным галантным поклоном протянул ей руку.

— Что, Пухляш, выдержишь еще один танец?

— Только если ты постараешься не наступать мне на ноги, — фыркнула она, но с готовностью приняла его руку, и они растворились среди танцующих.

Итан повернулся ко мне. В его глазах плясали отблески приглушенного света.

— А мы? — тихо спросил он, и в его голосе слышалось не ожидание, а надежда.

Я, чувствуя, как неожиданно участилось сердцебиение, лишь кивнула. Его рука коснулась моей талии, наши пальцы переплелись. Это был простой, ни к чему не обязывающий медленный танец, но в тишине почти пустого зала, под шепот гитарных струн из колонок, он казался чем-то бесконечно важным. Мы не говорили, просто кружились, и я позволила себе на мгновение закрыть глаза, полностью доверившись его ведущей руке. В этой тишине, под этот неспешный ритм, время и впрямь остановилось.

Мы простояли так, пока последние гости не попрощались и не скрылись за дверью, оставив нас в опустевшем залитом лунным светом зале. Именно тогда мой взгляд упал на огромные старинные часы, висевшие прямо над лестницей. Их маятник мерно качался за стеклом, а стрелки указывали на почти невероятное время.

— Без десяти час? — с искренним изумлением прошептала я. — Не может быть...

Мы и правда не заметили, как пролетело время, и, спохватившись, что завтра рано вставать в школу, стали быстро собираться домой. Итан настаивал, чтобы он нас отвез, но Ричи, уже достав ключи, лишь отмахнулся: «Не царское это дело, капитан. Я сам их привез, я и отвезу».

Пока Ричи ушел за машиной, мы с Меган остались у парадного входа, перешептываясь и смеясь над самыми забавными моментами вечера. Воздух был прохладен и свеж, а луна ярко освещала подъездной путь.

И вдруг... что-то с резким свистом пронеслось в сантиметрах над моей головой и с глухим зловещим стуком вонзилось в массивную деревянную дверь особняка прямо у моего левого уха. Мы вздрогнули и инстинктивно отпрыгнули назад. Я обернулась и застыла: в двери, глубоко увязнув в древесине, торчал и еще вибрировал стальной арбалетный болт.

— Упс, извините, промахнулась! — раздался сладковатый голос из темноты сада.

Хлои стояла на лужайке возле клумб, в руках у неё был навороченный арбалет. Перед ней, в двадцати метрах в стороне, стояли три мишени. По спине пробежали мурашки: «Она не промахнулась по мишени. Она промахнулась по моей голове. Мишени были в совершенно другой стороне».

Итан, побледнев, схватил меня за плечи.

— Всё в порядке? Ты цела? — в его глазах читался неподдельный ужас. Я, все еще не в силах вымолвить слово, лишь кивнула, не отрывая взгляда от смертоносного болта.

— Я сейчас, — сквозь зубы проговорил Итан и быстрыми решительными шагами направился к сестре. В этот момент к подъезду, громко урча мотором, подкатил Ричи. Он высунулся из окна.

— Эй, красотки, ваш экипаж... — он замолчал, заметив наши бледные взволнованные лица.

— Ты разве не пил? — первым делом спросила я, все еще не оправившись от шока.

— Только безалкогольное пиво, — фыркнул Ричи. — У меня тоже есть принципы: никогда не садиться за руль пьяным. Так что дышите спокойно. — Он снова посмотрел на наши испуганные лица. — Ладно, я вижу, что-то случилось. Что я пропустил?

— Ничего особенного, всего лишь покушение на убийство. — коротко и без эмоций сказала я, садясь на заднее сиденье. — Я, кажется, начинаю привыкать к её тёплому приёму.

Пока они усаживались, к машине подбежал Итан, его лицо было напряжённым.

— Всё улажено, — выдохнул он, пожимая руку Ричи через окно. Затем обнял Меган и, задержав взгляд на мне мягко добавил: — Увидимся завтра. Берегите себя.

Он развернулся и зашагал обратно к дому, а Ричи дал газу, и мы понеслись вниз по освещенной луной дороге, оставив особняк Моррисонов. Нас начало неудержимо клонить в сон. Машина на этот раз ехала медленно и плавно, мы положили головы друг на друга и начали проваливаться в дрему.

Ричи резко затормозил перед моим домом. Тачка дернулась, и мы по инерции завалились вперед, мгновенно проснувшись.

— Эй, не дрова везешь! — проворчала Меган, потирая лоб.

— А вы что, хотели проспать свой выход? — парировал Ричи, выключая зажигание. — Я видел, что вы отрубились. Пришлось разбудить экстренным торможением.

Мы вышли на прохладный ночной воздух. Ричи и Меган подошли попрощаться со мной. Мы обнялись, тихо пожелав друг другу хороших снов. И в этот момент я снова увидела его. В густой чаще леса, мелькнул и пропал одинокий желтоватый огонек фонаря, а за ним — темный силуэт мужчины.

— Смотрите! — тихо, но резко сказала я, указывая пальцем в сторону леса. — Опять этот тип.

— Ладно, — Меган вздохнула. — это уже действительно странно. Там нет столько грибов, чтобы ходить за ними каждую ночь.

— О чём это вы? — нахмурился Ричи.

Я коротко объяснила, что уже в третий раз вижу одного и того же незнакомца, который глубокой ночью уходит в самую чащу, описала его скрытную, почти крадущуюся походку.

— И вы, насмотревшись документалок, решили, что это маньяк-убийца? — фыркнул Ричи, закатывая глаза. — А вы не подумали, что это может быть просто лесник? У Арчи работа такая — обходить угодья. Особенно сейчас, когда браконьеры активизировались.

Мы с Меган переглянулись. Тот силуэт, который мы видели — одинокий, сгорбленный, мелькающий между деревьями как призрак — совсем не походил на лесника. Настоящий лесник носил бы униформу, шел бы с деловым видом, а не крался в потрепанном плаще с капюшоном, скрывающим лицо.

Ричи, видя наши сомнения, явно разозлился. Ему не нравилось, что мы наговариваем на человека, которого он знал.

— Пойдемте, — резко сказал он и направился к опушке, к узкой едва заметной тропинке. — Я вам докажу. Мой старик с ним знаком. Он добрейший человек, мухи не обидит.

Эта внезапная решимость Ричи была не просто упрямством. Он вырос в Кассиоре и знал всех старожилов. Для него Арчи был частью привычного безопасного мира, а наши подозрения — глупой городской паранойей, оскорбляющей его представления о доме. Ему нужно было не просто доказать нашу неправоту, а защитить репутацию знакомого и восстановить свою картину мира, где в их лесах не было места необъяснимым тайнам.

— Ты с ума сошел! Идти за непонятно кем в лес, еще и ночью! — чуть не плача, прошипела ему вслед Меган, но ноги уже несли ее за ним.

Я же, напротив, чувствовала, как страх отступает перед жгучим любопытством. Наконец-то появился шанс раскрыть одну из загадок этого странного места. И, хоть и с опаской, я шагнула на тропу следом за Ричи, а перепуганная Меган, не желая оставаться одна в темноте, поплелась позади всех.

Тропинка, по которой мы пошли, была узкой, как острие ножа, и тут же терялась в спутанных корнях и буреломе. Она виляла между стволами столетних дубов, чьи ветви, покрытые густым мхом, образовывали над нашими головами темный, почти непроницаемый полог. Лунный свет пробивался скудно, редкими бледными лучами, выхватывая из мрака причудливые узоры на коре или внезапную паутину, блестящую, как серебро. Воздух был густым, влажным и пах прелой листвой, сырой землей и чем-то еще — терпким диким ароматом, которого я не знала.

— Ай! — взвизгнула Меган, когда под ее ногой что-то хрустнуло. Она отпрыгнула, как ошпаренная.

— Тише ты, — прошипел Ричи, продираясь вперёд сквозь заросли ежевики. — Наступила на ветку. Успокойся.

— Тебе легко говорить, — пробормотала она в ответ, лихорадочно вытирая руки о платье. — Здесь каждый куст шевелится, и если ты не заметит Ричи, мы на каблуках.

Она достала телефон, и её палец дрожал, когда она включала фонарик. Ослепительный луч врезался в темноту, создавая неестественные, пляшущие тени, которые пугали её ещё больше. Каждый шорох в кустах, каждый внезапный крик ночной птицы заставлял её вздрагивать и сжимать мою руку.

Человек с фонарём был уже метрах в двадцати от нас, его силуэт мелькал между деревьями. Ричи, собравшись с духом, крикнул в темноту:

— Эй, мистер Арчибальд! Постойте!

Фигура резко остановилась и обернулась. Свет фонаря Меган выхватил из мрака лишь темный бесформенный плащ с капюшоном, намеренно опущенным так низко, что лица под ним не было видно вовсе. И вместо ответа незнакомец вдруг рванул с места, легко перепрыгивая через коряги. Ричи замер на месте, издав короткое растерянное:

— Ой...

— «Ой»? — тут же набросилась на него Меган, ее голос дрожал от страха и злости. — И что значит это твое «ой»?

Ричи медленно покачал головой, все еще глядя в ту сторону, где скрылась фигура.

— Это явно не наш лесник, — наконец выдохнул он. — Старику Арчи под семьдесят, он бы точно так не бегал.

Мы замерли на месте, прислушиваясь. Впереди ландшафт менялся. Пологие места сменились странными, будто вздыбленными волнами земли. Это были оползневые холмы, образовавшиеся когда-то от сильных дождей. Их склоны, поросшие колючим кустарником и молодыми деревцами, теперь напоминали небольшие неестественные горы. Незнакомец одним движением взбежал на ближайший такой холм и скрылся за его гребнем, словно земля поглотила его.

— Ну, вы тут всё посмотрели? — дрожащим голосом сказала Меган, хватая Ричи за рукав и пытаясь развернуть его обратно. — Давайте убираться отсюда.

Я, которую до этого гнало вперед чувство жгучего любопытства, теперь почувствовала ледяную дрожь. Лес внезапно показался мне не просто темным, а внимательным и враждебным.

— Она права, — тихо, но твердо сказала я. — Пойдем, Ричи. Мы не знаем, кто это. А вдруг он тут не один?

Ричи громко, почти с вызовом выдохнул, его упрямство боролось с нарастающей тревогой.

— Ладно... — буркнул он, с неохотой отступая. — Какие вы все-таки трусихи.

Он резко развернулся и зашагал обратно к машине, отшвыривая с пути ветки с таким раздражением, будто это они были во всем виноваты. Мы с Меган, не говоря ни слова, поспешили за ним, чувствуя, как сотни невидимых глаз смотрят нам в спину из непроглядной чащи.

Обратная дорога показалась мне короче, хотя тропинка была той же. И когда мы вышли из-под сени деревьев прямо к моему дому, стало ясно — мы отошли всего метров на двести. Но густота леса и ночная тьма создали полную иллюзию, будто мы побывали в самом сердце дикой незнакомой территории. Я наконец перевела дух и потерла замерзшие руки.

— Фух, жуть какая...

— На самом деле, днём там очень даже красиво, — тут же вступила Меган, стараясь прогнать мрачное настроение. — Есть классное местечко, на берегу реки.

— Мой отец даже соорудил там небольшой домик, когда мы были ещё мелкие. — перебил её Ричи, который уже заводил машину — Ну, как домик... больше похоже на сарай. Давайте как-нибудь на выходных сходим туда. Днём, конечно.

Идею поддержали без лишних слов — всё равно что решить, в какой пиццерии завтра ужинать. Планы назначены.

Попрощавшись, я смотрела, как машина Ричи с Меган внутри скрывается за поворотом. Я повернулась и потянулась к входной двери, всё ещё ощущая на плечах прохладу ночного леса, и несмотря на это, вечер всё равно удался.

ГЛАВА 6

Лес, который хранит секреты

Первый учебный месяц в школе пролетела с той стремительностью, которая свойственна либо катастрофам, либо неожиданно приятным событиям. Для меня это было однозначно второе. Ощущение новизны и лёгкого волнения первого школьного дня быстро сменилось комфортным, налаживающимся ритмом. Теперь моё утро начиналось на пятнадцать минут позже, с привычных запахов завтрака, который готовила мама, и оглушительного рева мотора Ричи под окном ровно в семь сорок пять. Он аккуратно, почти по-деловому, заезжал за мной, и мы, проехав пару домов, подбирали Меган, которая вечно выбегала на крыльцо в последнюю секунду, застёгивая на ходу рюкзак. Эти утренние поездки стали для меня своеобразным приятным ритуалом, цементирующим мой новый статус «своей»: мы успевали обсудить вчераш-

ние домашние задания, посмеяться над каким-нибудь преподавателем или просто помолчать, глядя на просыпающийся городок.

Учёба, к моему собственному удивлению, давалась мне поразительно легко. Учебная программа в Кассиоре оказалась менее требовательной, чем в моей прежней школе в Новом Орлеане, и я, обладая цепким умом и хорошей базой, схватывала всё на лету. Первые контрольные по алгебре и истории я написала если не с блеском, то с уверенными «пятёрками», чем вызвала нескрываемое удивление у преподавателей и лёгкий переполох в классе. Очень скоро я поняла, что невольно вступила в негласное соревнование с Хлои. До моего появления Хлои была бесспорной королевой не только по социальному статусу, но и по академическим успехам. Она была той, кто всегда первой поднимала руку, чьи работы были безупречны, а холодная, отстранённая уверенность не оставляла шансов конкурентам. Теперь же у неё появился реальный соперник. Я чувствовала на себе её тяжёлый, изучающий взгляд на каждом уроке, и это странным образом меня подстёгивало.

Мысль о том, чтобы пойти в черлидинг, пришла ко мне спонтанно, когда я наблюдала за тренировкой команды после уроков. Девушки в ярких форменных юбках, с помпонами в руках, выполняли сложные, отточенные движения. И я подумала: а почему бы и нет? Я никогда этим не занималась, мой спортивный опыт ограничивался школьными нормативами, но здесь, где всё было в новинку, казалось, открывались двери к возможностям, о которых я раньше и не задумывалась. «А кто знает, — мелькнуло у меня в голове, — может, и здесь у меня появится талант? По крайней мере, это будет ещё один способ утереть нос этой высокомерной дылде». Мысль была скорее дерзкой, чем всерьёз обдуманной, но она крепко засела в моём сознании.

Но главным открытием стали не учебные успехи и не планы на черлидинг, а мои стремительно развивающиеся отношения с Итаном. После вечеринки между нами исчезла та невидимая стена, которая обычно разделяет новых знакомых. Теперь мы общались легко и непринуждённо. Он подходил к моему шкафчику между уроками, чтобы поболтать о пустяках, мы сидели за одним столом в столовой, и его открытая, солнечная улыбка стала для меня одним из символов этой новой жизни. Наша троица — я, Меган и Ричи — стала неразлучной. Мы вместе делали домашние задания в школьной библиотеке, слонялись без дела после уроков, и теперь, по пятницам, нашей обязательной программой стала поддержка Итана на футбольных матчах.

И вот сейчас, в конце этого насыщенного месяца, мы с Меган сидели на прохладных металлических скамьях школьного стадиона, подставляя лица последним лучам уходящего солнца. Воздух был наполнен запахом скошенной травы, земли и сладковатым ароматом попкорна из буфета. Стадион гудел, как большой встревоженный улей. Я, прищурившись, следила за стремительными перемещениями игроков по полю. Атмосфера была заряжена всеобщим возбуждением, и я поймала себя на том, что сжимаю кулаки от волнения, искренне переживая за команду.

И тут произошла стремительная атака. Итан подхватил мяч и, ловко увернувшись от одного защитника, мощным рывком пронёсся через всё поле, оставляя позади пытающихся его остановить соперников, и с силой приземлил мяч в зачётной зоне, занося попытку. И в этот момент Меган, вскочив со своего места как ужаленная, пронзительно крикнула, заглушая рёв трибун:

— Воу, да! Вот так!

Почти сразу же за нашими спинами раздался знакомый голос:

— Что-то я не припоминаю, чтобы ты была такой фанаткой регби — с лёгкой усмешкой произнёс Ричи, протискиваясь к нас с тремя бумажными пакетами в руках, от которых вкусно пахло жареным.

— Ей просто понравился новенький защитник, — с улыбкой пояснила я, принимая один из сендвичей и показывая пальцем на поле. — Вон тот, с номером пятнадцать.

Ричи, с набитым сэндвичем ртом, скептически присвистнул, разглядывая игрока, на которого я указала. Парень был длинноволосым и смазливым, с таким ухоженным, почти девичьим лицом, которое сразу вызвало у Ричи гримасу лёгкого отвращения.

— Какой ужас, Мег, — проговорил он, с трудом прожёвывая еду и качая головой с преувеличенным отвращением. — Я надеюсь, что ты его просто плохо разглядела в этой каше из игроков. Я-то думал, что у тебя есть вкус.

Меган сразила его убийственным взглядом, от которого, казалось, мог бы закипеть даже самый холодный лимонад. Но она промолчала, лишь с силой откусила свой сэндвич, словно это был не кусок курицы, а сердце Ричи.

Мы просидели так до самого финального свистка, огласившего победу команды Итана — как обычно. Когда трибуны окончательно опустели, мы встали, отряхнув свои рюкзаки, служившие нам импровизированными подушками, и направились к выходу, смешиваясь с толпой возбуждённых болельщиков. Воздух ещё был напоён энергией недавней победы, и повсюду слышались обрывки восторженных обсуждений решающей попытки.

Мы уже почти вышли на аллею, ведущую к парковке, как вдруг Ричи резко остановился, хлопнув себя ладонью по лбу с таким звуком, что я даже вздрогнула.

— Стоп, дамы! Я совсем забыл! — воскликнул он, его лицо вытянулось в комической гримасе досады. — У меня же сегодня стрельба! Тренер убьёт меня, если я опоздаю!

Не дожидаясь ответа, он уже развернулся на пятках, готовый ринуться обратно к школе.

— Так а завтра во сколько встречаемся? — тут же крикнула ему вдогонку Меган.

— В шесть! — донёсся его голос из удаляющейся толпы. Он лишь отрывисто махнул рукой над головой в знак прощания, даже не обернувшись, и через секунду скрылся за углом здания.

Мы с Меган, оставшись вдвоём, продолжили путь к машине. Я шла несколько секунд в задумчивом молчании, мои брови слегка приподнялись от удивления.

— Погоди... — наконец произнесла я, поворачиваясь к Меган с лёгкой ухмылкой. — Мы что, собираемся на речку в шесть утра?

Меган фыркнула, качая головой, и её глаза закатились так выразительно, что, казалось, видели её собственный затылок.

— О, нет, ни в коем случае! — рассмеялась она, размахивая руками для пущего эффекта. — Этот болван имеет в виду шесть вечера! Ричи по выходным отсыпается до самого обеда, а иногда и дольше. Его будильник в субботу — это солнце в зените. Поднять его раньше — задача из разряда невозможных. Проще разбудить спящего медведя в середине зимы.

Мы не спеша побрели в сторону центра, погружённые в оживлённое обсуждение завтрашней поездки на речку. Спорили о том, что бы надеть, стоит ли брать с собой мини колонку и стоит ли ловить раков на ужин. Разговор был настолько увлекательным, что мы почти прошли мимо небольшой, но уютной кофейни «У Мэтти», из открытого окошка которой доносился умопомрачительный аромат свежей выпечки.

— Мне кажется, мы просто обязаны это сделать, — с решительным видом заявила Меган, останавливаясь перед меню. — Мороженый капучино и шоколадный кекс, только не кладите корицу. — повернувшись ко мне, тихо добавила: — У меня на неё аллергия.

Я кивнула, и мы, хихикая, встали в короткую очередь. Именно в этот момент из того же окошка, откуда лился божественный запах, грянула оглушительная музыка местной радиостанции. Диджей с энергичным голосом что-то выкрикивал о розыгрыше билетов, а за ним тут же начинался новый поп-хит, бит которого отбивался прямо в висках. И тут у меня в кармане заливисто зазвонил телефон.

— Кто это? — тут же с любопытством спросила Меган, пытаясь заглянуть в экран. Я показала ей телефон: на дисплее светилось «МАМА».

— Мне нужно ответить, — сказала я и, жестом показывая, что не слышу, отошла на несколько метров в сторону, подальше от грохочущего радио.

Прислонившись спиной к прохладной кирпичной стене соседнего здания, я пару минут говорила с матерью, а закончив, медленно вернулась к ларьку, по пути рассеянно разглядывая уютные фасады домов на главной улице. Меган уже держала в руках два прозрачных стаканчика с кремовой шапкой взбитых сливок и двумя соломинками.

— Держи, пока не растаяло, — протянула она один мне. — Всё в порядке?

— Да, спасибо, — я взяла стаканчик, чувствуя приятный холод сквозь стенки. — Слушай, а ты не знаешь, где здесь можно купить обычные лампочки? Мама попросила купить, а я даже не знаю, где тут хозяйственный магазин. В одной из люстр в гостиной перегорели.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.